

НОВИНКИ ФАНТАСТИКИ по ДОСТУПНОЙ ЦЕНЕ!

НАРОДНАЯ
ФАНТАСТИКА

Михаил КЛИКИН

О Д И Н

Михаил Кликин

Один

«ЭКСМО»

2014

Кликин М.

Один / М. Кликин — «Эксмо», 2014

Россия. Наши дни... Компания друзей – Дима, Минтай, Катя, Таня и Оля – весело проводят выходные. Выпивка, закуска, потанцульки, флирт разной степени тяжести. И никому нет дела до того, что происходит во внешнем мире. Они, конечно, замечают некоторые странности. Какие-то типы, похожие на обкурившихся бомжей, топчутся на опустевшей детской площадке. На улице пробка – машины стоят плотно и даже не пытаются тронуться с места. А в топе новостных порталов крутят ролик, в котором какой-то наркоман заживо грызет человека. Друзья не особо тревожатся. Ведь ясно же, что это вирусная реклама очередного ужастика. Но все оказалось гораздо страшнее. И зомби, будто сошедшие с экрана голливудского блокбастера, хлынули на улицы российских городов... То, что когда-то называлось Россией. Время действия неизвестно...

© Кликин М., 2014

© Эксмо, 2014

Содержание

Год пятнадцатый. Июль	5
Жара	5
Год нулевой. Апрель	9
Шестеро в квартире	9
«Кто там?»	18
Вниз!	29
Автомобили, автомобили...	43
Конец ознакомительного фрагмента.	50

Михаил Кликин

Один

*Одиночество – это еще не самое скверное в дни испытаний;
самое скверное – сидеть сложа руки.*

Голсуорси Дж.

Год пятнадцатый. Июль

Жара

Гоблинов было трое.

Я заметил их не сразу, поскольку был занят ответственным делом: осторожно и нежно вытаскивал трепыхающуюся перепелку из проволочной петли. К этим птицам у меня особенное отношение: вот уже семь лет я пытаюсь их одомашнить.

Гоблинов почуял Туз – мой старший пес, единственный из всей своры, кто сегодня пошел со мной в лес проверять ловушки. Он несмело тявкнул в сторону темного ельника, изобразил подобие охотничьей стойки, но уже через три секунды жалко заскулил и спрятался за моей спиной.

Собаки почему-то боятся гоблинов. Даже псы, готовые броситься на семью великанов-огров, поджимают хвосты и по-щенячьи писаются, стоит поблизости появиться низкорослой горбатой фигуре с кривыми ногами и пятнистой плоской рожей.

Почему так – я не знаю.

Гоблины – плохие бойцы, они падальщики. Я, вооружившись обычной рогатиной, могу выйти один на один с этой тварью и победить. Если их будет двое – мне хватит большого ножа и короткой палки, чтобы разобраться с ними обоими. Но вот трое...

От трех гоблинов можно ждать больших неприятностей.

Гоблины – они, как шакалы. В стае они наглеют. А наглость очень часто значит больше, чем сила и оружие...

Я убрал перепелку в мешок и затянул его горловину. Посмотрел на близкий плотный ельник, недоумевая, что могло испугать опытного Туза. Поднял с земли короткое копьё. Встал, выпрямился, не отрывая взгляда от темного леса.

Что там? Кабан? Медведь? Или кто-то из обратившихся тварей?

Я ждал чего угодно, но только не появления гоблинов. Падальщики держались обычно возле населенных пунктов, там им было чем поживиться. Что бы им делать здесь, в лесу?

Но они вышли – все трое, разом, раздвинув лапник уродливыми телами, повернув ко мне свои мерзкие хари. Туз опять заскулил и стал отползать, пластаясь по земле. На его помощь в этом бою можно было не надеяться. А в том, что бой случится, я не сомневался. Ни одна обращенная тварь не пройдет мимо живого человека, если уж заметила его.

Считая секунды, я проверил, на месте ли мой любимый мачете-кукри, не вывалился ли он из деревянных ножен. Я осторожно подвинул ногой мешок с притихшей куропаткой, выставил перед собой копьё и плавно, медленно, чтоб не спровоцировать падальщиков на мгновенную атаку, сместился на метр вправо. Я встал так, чтобы ствол старой березы прикрывал меня со спины – мало ли какая тварь решит подкрасться сзади. Я набрал полную грудь воздуха и резко что-то выкрикнул: то ли «Хо!», то ли «Ша!», то ли короткое непечатное слово – не помню.

Гоблины сорвались с места.

Они были на удивление резвые. Видимо, голод сделал их такими.

Один, наверное, был голодней прочих – он опередил приятелей почти на три метра. Я встретил его ударом копья. Наконечник пробил грудь и вышел из-под лопатки мерзкой твари. Древко копья вырвалось у меня из рук, а сам я едва не упал. Я не ждал, что гoblin подохнет сразу, – все обращенные живучи, словно пресмыкающиеся. Я увернулся от тянущихся ко мне когтистых клешней и, выдернув из ножен клинок, воткнул его в белесый, разрезанный щелью зрачка глаз падальщика.

Шестьдесят сантиметров отточенной стали раскололи череп уродца. Холодная слизь брызнула на пальцы, и рукоять мачете тут же выскользнула из ладони, но я не пытался удерживать или вернуть это оружие. Подхватив с земли увесистый сук, я ударил им второго падальщика, метя в висок. Попал, сбил атаку. Тут же из нашитого на голенище кармашка выдернул метательный нож и со всего маху воткнул его в затылок оглушенному гoblinу.

А когда третья тварь ухватила меня за бок, раздирая одежду и кожу, я уже держал в руках главное свое оружие. Не обращая внимания на боль, не замечая вонь, я ткнул стволом под раззявившиеся слюнявые жвала гoblina и, отвернув лицо, спустил курки.

Череп падальщика словно взорвался, и обезглавленный труп кулем свалился мне под ноги.

* * *

Домой я почти бежал. Озирался, оглядывался, не выпускал из рук двустволку. Ругал себя громким шепотом, разговаривал с собой: зачем ты, дурак, выстрелил дуплетом, поберег бы патроны-то! Гoblinу этому хватило бы и дробь из верхнего ствола «ижика», а пулю-то ты, идиот, зачем потратил?! Ну понятное дело – осечки боялся. Но ведь не драл тебя гoblin, вцепился только еще. Было время, было. Мог бы патрон сберечь. А мог и вовсе прикладом обойтись...

Туз бежал впереди, виновато помахивал хвостом, оглядываясь на меня: прости, мол, хозяин, сам не ведаю, что на меня нашло, отчего перетрусил.

– Двигай, двигай! – покрикивал я на него. – И по сторонам смотри!

Страшно было, но не так, как прежде – привык уже за годы-то. И остро чувствовал недоброе – ох не зря появились здесь гoblinы! Никогда они в лес не ходили, а тут – ну надо же – объявились, да еще троицей. К чему бы это? Чего теперь ждать?

Я немного успокоился, когда увидел просвет среди деревьев, когда с разлапистой сосной, молнией обожженной, поравнялся: теперь уже недалеко – теперь только через орешник, через болотистый овражек, к реке спускающийся, потом лугом заросшим – а там уж и дом виден. Не сам дом, конечно – избу-то я хорошо спрятал. А место, которое я домом называю.

Туз остановился, дожидаясь меня. Помотал башкой, ушами хлопая.

– Не расслабляться! – и ему и себе велел я. – А то расслабился один такой...

Да, последние два года выдались относительно спокойными. За все время три зомби, хромой огр и неизвестное мне прежде обращенное страшилище, которое я окрестил чупакаброй, – вот и все недобрые гости. Теперь волки больше проблем доставляют, чем эти мерзкие твари. Я уж, вроде бы, и привыкать к тишине начал, совсем освоился, да и решил, видимо, подсознательно, что кончилось все... А не следовало, нет. Пока я жив, пока я живой – ничего не кончено.

И гoblinы эти сегодняшние – ох не к добру!..

Сбежал в овраг, остановился в прохладе, ладонью зачерпнул из болотца ржавой воды, плеснул в горячее лицо. Из нагрудного кармана достал монокуляр, через него внимательно оглядел крутые склоны. Очень эта балка мне удобна: если от большого леса идти, то мимо нее пройти сложно – для этого крюк надо сделать изрядный да через колючие кусты продрасться. А

на болотистой почве в низине любой след превращается в хорошо заметную ямку, наполненную водой. Да и по склону подняться, ничего не вырвав, не осыпав, практически невозможно. И спуститься, не наследив, не всякий сумеет. Овраг этот, можно сказать, моя контрольно-следовая полоса.

Сегодня – чистая.

Ну и слава богу.

Перекрестился и хмыкнул: верующим-то я не стал, несмотря на пережитое. Но и твердолюбым атеистом не остался.

– Туз, домой! Быстро!

Повторять не пришлось – пес дорогу знал. Нырнул под ветви чахлой ракиты, поскакал найденной тропкой, смешно подбрасывая задние лапы. Сбил, конечно же, несколько моих «сторожков», составленных из тонких ивовых прутьев, и мне пришлось их складывать заново.

Из оврага я выбрался, сильно запыхавшись. Осмотрелся еще раз, опушку леса внимательно оглядел. Присел даже, положив ружье на колени, прислушиваясь, приглядываясь: может, встревоженные птицы где кружат. Нет же – все тихо. Успокоиться, вроде бы, можно уже. Ан нет! На душе тяжело, и в сердце мрачно, как в этом вот овраге.

Убежавший было Туз вернулся, ткнул носом мне под локоть, лег рядом. Я машинально погладил его лобастую голову, потрепал вислое ухо. Подумал о том, что буду делать сегодня: первым делом, конечно же, выпущу помятую перепелку в вольер, а как в избу войду, так сразу сниму со стены «калашников» и «макаров», выгребу все патроны и еще раз их пересчитаю. Травматик надо найти, который от Минтая остался, там еще два выстрела есть. Арбалет проверить, давно им не пользовался. На лук натянуть тетиву и собрать все стрелы. Тесак отточить до бритвенной остроты.

Ранее запланированные дела, видимо, придется отменить. Кроме одного, самого неприятного – календарь показывает, что пришло время для очередной попытки. Так что ближе к вечеру я наберусь духу и спущусь в подпол, в клеть, где живет ОНА. Свяжу ее, как обычно, чтоб она не могла причинить мне вреда, а потом займусь с ней тем, что не назвать уже ни любовью, ни сексом.

Возможно, мне не стоит писать об этом в дневнике, чтобы не выглядеть монстром. Но я обещал себе быть честным в своих записках. И я должен.

Я должен рассказать всю правду.

Я все еще надеюсь, что эти слова прочтает хоть кто-нибудь, кроме меня.

* * *

Меня зовут Брюс. Вообще-то я Борис Русов, поэтому в школе меня дразнили Брусом. Но в универе Брус превратился в Брюса, и я, честно сказать, был очень доволен таким обращением.

Три дня назад мне исполнилось сорок два года, и я все никак не привыкну к своему возрасту. Я удивляюсь и пугаюсь, когда считаю прожитые лета и зимы. Мне все кажется, что я не могу быть старше тридцати пяти лет. Но отражение в зеркале говорит об обратном – мне сорок два года, и я уже стар. Я бородат и сед, у меня кустистые брови и пористый рыхлый нос с красными жилками и черными точками. Я еще довольно силен, но по утрам у меня болят ноги, а вечерами ноет поясница. У меня много забавных привычек: я проговариваю вслух свои мысли, я веду беседы с собаками, я обращаюсь к Богу, в которого, кажется, не верю.

Сейчас я пишу этот дневник и каждое слово, каждое предложение громко зачитываю вслух, пробуя его на язык. Я не гений словесности, но мне нравится то, что у меня получается.

За окном ночь. Над моим столом едва теплится светодиодная матрица от электрического фонаря. На кухоньке за перегородкой возятся мыши. В моей руке карандаш, передо мной раскрытая тетрадь в клетку. Я думаю о последних событиях, я смотрю на исписанные листы и понимаю, что должен теперь многое переписать заново.

Я обязан завершить работу.

Я хочу рассказать свою историю полностью, ничего не утаивая. Это будет новое Евангелие.

И я передам его своим детям, если они у меня родятся.

* * *

Предчувствие не обмануло меня в тот жаркий июльский день. Гоблины пришли не одни. Вечером, когда я уже сделал все дела и поднялся из подполья, перед избой вдруг громко, но боязливо залаяли собаки. И только я схватился за оружие, гадая, что могло их потревожить, как в дверь моего дома постучали.

Я не смогу описать здесь свои чувства. Мне показалось, что я умер. Я испытал такой дикий всепоглощающий ужас, что разум покинул меня.

Неудивительно: так стучаться могли только люди. Но я уже пятнадцать лет обитал в дикой дремучей глуши, жил здесь в полном безнадежном одиночестве, если не считать мою несчастную наложницу, больше похожую на зверя, нежели на человека.

Наверное, нечто подобное испытал Робинзон, когда увидел на песчаном берегу отпечаток босой ноги.

Но я, в отличие от Робинзона, знал, что на моем «острове» люди появиться не могут ни при каких обстоятельствах.

Все люди давно погибли или же перестали быть людьми.

Я считал себя единственным выжившим на многие сотни километров вокруг. А что касается моей пленницы... Она была совершенно безумна и продолжала существовать лишь благодаря моей заботе.

Возможно, я был последним человеком на всей планете.

Год нулевой. Апрель

Шестеро в квартире

Мы пропустили начало конца – для нас все началось в воскресенье первого апреля, когда мир уже агонизировал, пораженный неведомой смертельной болезнью. Ни о чем не подозревая, мы продолжали отмечать Димкин юбилей – тридцатого марта ему исполнилось тридцать лет. Выпивка уже мало кого интересовала, танцы успели утомить даже девчонок, песни под гитару наскучили как певцам, так и слушателям. Поэтому предложение именинника посмотреть какое-нибудь кино все приняли с радостью. Девчонки просили поставить что-нибудь веселое молодежное, Минтай Юрьевич жаждал немецкого порно, я предлагал поглядеть какой-нибудь классический боевичок со Шварцем, Слаем или Сигалом. Но Димка, выслушав наши пожелания, решил по-своему и включил какой-то древний фильм про восставших из могил мертвецов. Под пиво с фисташками кино смотрелось неплохо, хотя некоторые сцены аппетит отбивали. Девчонки визжали много и с удовольствием, только позеленевшая Оля почти сразу отвернулась от телевизора, надела наушники и взяла с тумбочки какой-то мужской журнал – «Солдат удачи», кажется. Вот Олю-то мы и послали на кухню за пивом, когда началась вторая часть фильма и гниющие мертвецы опять полезли из могил, чтобы жрать мозги простых американских обывателей.

Оля вернулась с пустыми руками, сообщила, что в холодильнике остались лишь две початые бутылки водки и «Отвертка» в банках. Но народ жаждал пива, и Димка, вытащив из кармана джинсов тысячную купюру, попросил Олю сбегать до ближайшего магазина и взять хотя бы шесть литров янтарного напитка, сушеных кальмаров, косичку острого сыра и какую-нибудь вяленую рыбку: леща или тарань. Меня, честно сказать, возмутила бесцеремонность Димкиной просьбы, и я вызвался составить Оле компанию, но моя Катюха тут же шлепнула меня по затылку, притянула к себе и, велев «не рыпаться», поцеловала в засос.

Я поймал взгляд Минтая – он смотрел на нас, как на немецкое порно.

На экране мертвяки опять кого-то жрали, Димка увлеченно рассказывал о каком-то Савиньи. Было жарко, несмотря на приоткрытую балконную дверь, – кажется, это был последний день, когда работали городские тепловые сети.

– Я с Олей, – пискнула, выбираясь из глубокого низкого кресла, Таня. – Помогу донести.

На серенькую Таню всем было плевать, она в нашу компанию затесалась, можно сказать, случайно. Таня была Олиной подружкой. Вот Оля-то, которая и сама не вполне еще освоилась в нашем коллективе, ее с собой и притащила, предварительно, конечно, спросив дозволения у именинника. Димка не возражал. Димке Оля шибко нравилась, и ему все равно было, кого там она с собой прихватит, – да хоть черта! – лишь бы сама пришла...

Пива девчонки не принесли. Они вернулись через минуту, здорово чем-то напуганные.

– Там какой-то пьяный придурок топчется, – сказала Оля, падая на диван рядом с Димкой. – Прямо перед дверью. Полный неадекват. Рожа разбитая, грудь в блевотине – фу! Услышал, как мы замок отпираем, и ломанулся. Хорошо, что дверь наружу открывается, иначе бы сюда ввалился.

Димка убавил громкость звуковой системы. Предположил:

– Это Серега, наверное. Сосед. Он свою самогонку бичам разным продает, ну и сам, слушается, злоупотребляет. У него жена такая же была, но лет пять тому назад сгорела в постели. Окурок, что ли, не потушила.

– Мы мимо него не пойдем, – заявила Оля. – Хотите, сами разбирайтесь...

Разбираться не пришлось, хотя Димка уже было направился к выходу. Но по пути он завернул в ванную комнату и обнаружил там ящик пива и целую коробку чипсов.

Вот этот ящик, я так думаю, спас нам всем жизнь.

* * *

Димка Забелин. Я познакомился с ним в универе, точнее сказать в университетской общаге. Он был старше меня на три года, его группа писала дипломы, но сам он давно завязал с учебой по ему одному известным причинам. История с его отчислением была мутная: то ли он подрался с деканом в туалете, то ли наговорил пошлых гадостей о жене ректора, то ли так напугал учебным автоматом начальника военной кафедры, что тот обмочился, – всякие слухи ходили. Другой на его месте давно бы топтал плац сапогами, но только не Димка. Он откосил от армии «по дурке» и, охмунив дочку коменданта общежития, остался проживать в ставшей ему родной общаге. Огромную свою квартиру, что досталась ему от уехавших за границу родителей, он сдавал трем молодым семьям и имел с этого неплохой, по студенческим понятиям, доход.

Мы с Димкой сдружились сразу же, в самую первую встречу. Он тогда зашел в нашу комнату, намереваясь «построить» живущих со мной первокурсников. Он и меня за «первака» принял, велел выходить с тумбочкой в коридор. Я посмеялся. Он ударил меня в грудь – «дал в торец». Я ответил коротким хуком в челюсть, несильным, но точным.

– Боксер? – спросил Димка, очухавшись.

– Не, – ответил я, ничуть на него не сердясь; я был хорошо знаком с правилами студенческого общежития. – Деревенское карате.

– Имя?

– Брюс, – сказал я.

– Понятно... А я Демон.

Он всегда представлялся Демоном – с ударением на первый слог. Димка любил ужастики, увлекался всякой мистикой, читал Ла Вэя, Ницше и Кастанеду. Он носил в ухе серьгу, а на плече у него была наколка – классическая иллюстрация к «Демону» Лермонтова.

Через три года именно Димка зазвал меня работать в маленькую фирмочку с в меру амбициозным названием «Проект Миллениум». В середине девяностых контора эта занималась пиратской локализацией игр по заказу анонимных издателей. Потом, когда на рынок компьютерных игр пришли серьезные люди, фирма взялась клепать сайты. Дело поначалу было очень выгодное, заказчик в интернет-технологиях не смыслил и только хлопал ушами, когда ему вешали на них лапшу, да лазал в пузатый кошелек. Но со временем доходы стали падать, а запросы клиентов расти. И «Проект Миллениум», в очередной раз поменяв директора, занялся разработкой приложений для входящих в моду социальных сетей.

Димка к тому времени уже превратился в солидного человека; он ездил на старенькой шестой «Мазде», носил золотую цепочку на волосатой груди, был счастливо разведен и обитал в своей четырехкомнатной квартире. Общажных привычек он, впрочем, не утратил: все так же вешал носки на батарею, пил пиво «из горла» и трескал щедро залитые кетчупом макароны с тушенкой прямо из сковороды.

С мистикой и чтением Ла Вэя Димка завязал после нескольких странных и весьма неприятных для него случаев, но фильмы ужасов он любил больше прежнего. И теперь это было не единственное его увлечение. Откосивший от армии Димка вдруг увлекся военной темой: он часами просиживал на тематических форумах, обсуждая достоинства «М-16» и недостатки нашего «калаша», рассуждая о баллистических возможностях «Осы» и яростно – до швыряния клавиатуры в монитор – воюя с противниками пистолетного «лигалайза».

Если бы не Димка, мы, возможно, выжили бы все.

* * *

Фильм про зомби неожиданно меня увлек. И даже комментарии Димки перестали меня раздражать. Так что кино досматривали мы вдвоем. Более того – когда оно кончилось, мы еще полчаса, наверное, сидели перед светящимся экраном, потягивая пиво и обсуждая увиденное. Я, впрочем, мало что мог сказать. А вот Димка трещал без умолку: и про режиссера рассказал, и про актеров, и про правильные спецэффекты, которые сейчас делать разучились, заменяя компьютерной графикой.

– А пойдем, – предложил он, когда наши бутылки опустели, – я тебе трейлер нового фильма покажу. Тот же чудаковатый режиссер. Он дедушка уже, а все про покойников снимает. Хотя, наверное, ему эта тема с каждым годом все ближе и ближе. – Димка хохотнул.

Мы зашли на кухню, где Оля и Таня варили в кастрюльке пельмени. Димка показал, где хранит лавровый лист и перец, и вытащил из холодильника две бутылки пива из тех, что нашлись в ванной комнате.

– А Катюха моя где? – спросил я, демонстрируя девчонкам, как можно открывать пивную бутылку глазом – бутылка шипела, но не поддавалась (шипел-то на самом деле я).

– А они курить вроде бы пошли, – сказала Таня, тихо смеясь в ладонь. – На балкон...

Димка был правильный холостяк – его главный компьютер с Интернетом стоял в спальне. Вот туда-то мы и направились, посасывая холодное пиво и думая о горячих пельменях с чесночком и майонезом. Девчонки обещали без нас за стол не садиться, они резали хлеб и крошили в салат помидоры.

– А Оля хорошо смотрится на моей кухне, – как бы между прочим заметил Димка.

Он первый вошел в комнату. И встал столбом на пороге, растерявшись. Спихнулся, сориентировался в ситуации, попятился, отгесняя меня, пытаясь собой заслонить обзор.

Но я был немного выше Димки, и я уже все успел увидеть.

Шторы на окнах спальни были задернуты. Неярко горел торшер. На широченной кровати, на сбитом, не самом свежем белье, раздвинув ноги, лежала моя Катя. Перед ней стоял Минтай со спущенными штанами и голой задницей.

– Вот черт! – обернувшись, тихо сказал Минтай и, глядя на меня, начал ловить руками висящие под коленями трусы.

Я почему-то был совершенно спокоен. Только в ушах звенело, и щеки страшно горели.

– Убирайся! – крикнула Катя, даже не пробуя прикрыться. Я и не понял тогда, что кричит она мне. – Убирайся, чего встал?! Мы больше не пара!

– Пошли, – Димка крепко взял меня под локоть. – Путь они тут... Побудут...

Под его напором я отступил в коридор. Я буквально онемел – в зомби превратился.

Дверь закрылась.

* * *

Катя. Катюха. Катерина.

Я увидел ее в троллейбусе. У нее были очень красивые ноги и бежевые трусики. Я заметил усмешки других пассажиров, проследил направление их взглядов и тут же поднялся с сиденья.

– Девушка, извините... – Я, понятное дело, смутился.

– Что? – Она повернулась ко мне.

– У вас это... Там... Ну...

– Что? – Она смотрела на меня, а я смутился все больше и больше.

– У вас юбка... Это самое... Задралась...

Она быстро провела рукой по ягодицам, по бедрам и зарделась. Поблагодарила быстро, отвернувшись:

– Спасибо, – и, возмущенно оглядев салон, поспешила к дверям, – троллейбус как раз подъезжал к остановке.

Я выбежал за ней следом и долго ее преследовал, набираясь решимости для знакомства. На набережной она села на свободную скамейку и разулась – кажется, она хотела позагорать. Я остановился рядом, подождал, когда она меня заметит.

– Это вы? – спросила она, ничуть, кажется, не удивившись.

– Мороженое хотите? – спросил я.

– Хочу, – улыбнулась она.

Через год она проговорила, что юбка в тот день задралась не случайно. Это была уловка, это был метод – так Катя знакомилась с молодыми людьми; знакомилась много раз. Мне бы задуматься тогда о ее порядочности, но было поздно – я втрескался, втюрился, я влюбился.

Она была немногим старше меня, но иногда мне казалось, что я, в сравнении с ней, малолетний сопливый пацан. Не скажу, что это мне нравилось. Но, по большому счету, это ничуть мне не мешало. Тогда мне казалось, что у нас все просто отлично; я был уверен, что пар, счастливейшей нашей, на свете не найти. Я дважды делал ей предложение. Первый раз – в ресторане, с роскошными цветами и колечком в алом бархатном сердце. Второй раз – в Египте, в пяти шагах от пирамиды Хеопса, в шаге от вонючего верблюда. Оба раза она отказала мне, смеясь. Я так и не добился от нее ответа, почему она не хочет быть моей женой.

Зато сейчас я все отлично понимаю. Моя Катюша – расчетливая хитрая стерва, вот и весь ответ.

Но если бы не она, я, наверное, не знал бы сейчас, ради чего мне стоит жить.

* * *

Мы ели пельмени на кухне – я глотал их, не жуя, и тупо пялился в стену. Оля говорила мне что-то, гладила по руке, успокаивая. Димка косо на нас посматривал – ревновал. Оробевшая Таня стояла у окна – она была совершенно растеряна.

Праздник кончился.

Можно было расходиться.

– На работе меня завтра не ждите, – сказал я, совершенно не представляя свое завтрашнее будущее.

– Может, останешься у меня? – предложил Димка.

– Не знаю... – Я попытался собраться с мыслями. – Может быть...

– Как-то странно, – проронила вдруг Таня. Никто не ждал, что она заговорит, потому все повернулись к ней.

Таня глядела в окно.

– Что именно? – спросила Оля.

– Посмотри сама.

Оля, оставив мою руку, поднялась. Димка тут же пересел на ее место, налил себе кофе, потянулся за печеньем.

– Действительно странно...

– Ну что там? – Димка тоже встал, подошел к Оле, будто невзначай прижался к ней боком.

Мне было все равно, что они там видят. Но их громкие комментарии не позволили мне остаться в неведении:

Двор был необычайно пуст и тих; только на детской площадке бесцельно топтались две подозрительные фигуры – то ли забулдыги, то ли наркоманы, то ли пришлые бомжи – с высоты восьмого этажа не рассмотреть. Видимая часть проспекта была запружена автомобилями –

они стояли плотно, как камни в булыжной мостовой, и даже не делали попыток продвинуться. Складывалось ощущение, что все эти машины брошены. Недавно открывшийся в доме напротив магазин «Еда» производил впечатление разграбленного: его витринные окна были разбиты, а в дверях застрял помятый «Логан», каким-то образом преодолевший три ступеньки довольно высокого крыльца. Город окутывала дымка – такое случалось в жару, когда горели близкие торфяники и расположенная рядом с ними свалка.

Но до жары оставалось как минимум два месяца.

– Война, что ли, началась? – пробормотал Димка.

Я подумал, что он шутит, поглядел на него... Нет, он не шутил.

Вот тогда я тоже встал и подошел к окну.

Да, город был необычно пуст. Да, два витринных окна магазина напротив были разбиты, а в дверях торчал помятый автомобиль. Да, в воздухе висела какая-то серая пелена.

Ну и что? Почему сразу – война?!

– Надо выгонять этих двоих из спальни, – сказал Димка, поворачиваясь. – Поглядим, что в интернетах пишут.

Выгонять никого не пришлось. «Эти двое» стояли в дверях кухни и смотрели на нас.

– Ты извини, что так получилось, – негромко сказал мне Минтай Юрьевич.

Растрепанная Катюха фыркнула и пихнула его плечом.

– Извини, – покосившись на нее, повторил Минтай. Кажется, ему действительно было очень неудобно. – На работу можешь завтра не приходить.

Я так и не узнал, то ли он таким образом сообщил мне об увольнении, то ли просто разрешил взять отгул. Потом я несколько раз собирался спросить у него, что же он тогда имел в виду. Но так и не спросил.

А после спрашивать стало не у кого...

* * *

Минтаями Димка звал всех Михайлов, и я быстро перенял у него эту идиотскую привычку. Так что, когда нашу маленькую дружную контору возглавил новый начальник, вопрос с его прозвищем был уже решен.

Минтай Юрьевич в программировании и компьютерах разбирался слабо, он был, что называется, управленцем. Тем не менее, в конторе нашей он освоился быстро, в коллектив вписался и дело себе нашел. Человек он был неплохой, но какой-то бесхребетный. К тому же и своеобразно замкнутый, хотя пьянки, шашлыки и прочие корпоративы посещал исправно и даже, если был в настроении, веселил народ – «зажигал», как было принято говорить.

С некоторым удивлением и даже недоверием однажды мы узнали, что Минтай Юрьевич – бывший военный. Где он служил и чем занимался, мы так и не выяснили. На все вопросы о своем военном прошлом он, смущаясь, отшучивался – бумажки, мол, черкал, чернила переводил. Пенсионером он стать не успел – он всего-то на восемь лет был меня старше – и мы с Димкой сошлись во мнении, что Минтая из армии «попросили» за какие-то прегрешения – возможно, чужие.

Минтай вообще не любил распространяться о своей прошлой жизни. Мы знали только, что он успел поехать по стране и что у него где-то есть бывшая жена и дочь – он звонил им иногда и отсылал алименты.

Мне кажется, он очень обрадовался, когда понял, что его алименты уже никому не понадобятся...

Больше всего на свете Минтай Юрьевич любил деньги. Если бы не он, я был бы сейчас бедней на шесть миллионов рублей.

Смешно, правда?

* * *

Интернет тогда еще работал.

Мы сгрудились у Димки за спиной, заглядывая в монитор. Понять что-либо мы еще не успели, поскольку высматривали в заголовках новостных сайтов название нашего города и не обращали внимания на прочие темы. Димка успевал читать больше нас, но и у него цельная картинка еще не сложилась. Он открывал заинтересовавшие его материалы в новых окнах браузера, намереваясь ознакомиться с ними чуть позже, – он всегда так делал. Но одна новость заинтересовала его особенно. Я успел прочесть только слово «зомби», набранное крупным шрифтом, а торопыга Димка уже развернул во весь экран размещенный на странице видеосюжет.

Снят он был на камеру, встроенную в какое-то мобильное устройство, поэтому о качестве говорить не приходилось. Тем не менее сюжет был предельно понятен и пояснений не требовал – они, впрочем, присутствовали в виде бегущей строки.

– Совсем дядька умом тронулся, – скептически ухмыляясь, пробормотал Димка, наблюдая, как страшного вида мужик, вывалившись из кустов на ухоженную дорожку какой-то аллеи, набрасывается на дородную женщину, валит ее на землю и начинает рвать зубами. Длился ролик ровно три минуты; за это время мимо «зомби» и его жертвы пробежали два спортсмена в наушниках и проезжал один велосипедист. Потом в кадре появлялся негр в футболке до колен и с золоченой цепью на шее; он несколько раз подсакивал к людоеду, пинал его и тут же отбегал на безопасное расстояние, вопя что-то в сторону оператора и размахивая руками. Заканчивался ролик выстрелом: негр вытаскивал из-за спины небольшой блестящий пистолет и, ткнув стволом в затылок «зомби», спускал курок.

Сомнений не было – видео было снято где-то за границей, скорее всего, в Штатах.

– Пишут, что это не единичный случай, – озвучила Оля то, что все и без нее уже успели прочитать.

– Шняга какая-то, – неуверенно произнес Минтай.

– Здесь ссылки на похожие ролики есть, – сказал Димка. – Сейчас откроем, глянем, что это за развод такой.

И вот тут электричество вырубилось – везде: во всем доме, во всем квартале, во всем городе.

Оля ойкнула, закрыла рот руками и прижалась ко мне.

Я чувствовал, что она трясется.

* * *

Оля нравилась всем.

Доброжелательная, услужливая, доверчивая и притом далеко не глупая – она могла осчастливить любого мужчину, тем более что внешность у нее была под стать характеру. Среднего роста, длинноногая, фигуристая, большеглазая – с нее бы кавайных героинь аниме рисовать или сексапильных ангелочков. Мужчины оборачивались, когда она шла по улице – в шортах ли, в юбке или джинсах. А она, кажется, своего влияния на противоположный пол не замечала или не придавала ему значения.

Она пришла к нам в фирму, когда ей исполнилось двадцать два года. Конечно же, мы не могли не взять такое чудо в свой коллектив – сперва на испытательный срок, а потом и на полную ставку. Работа у Оли была несложная, но ее было много, и она была разнообразная: сделать кофе на всех, собрать презентацию из готовых слайдов, разослать рекламу по адресам из базы, пообщаться с излишне настырным пользователем, поучаствовать в «мозговом штурме»,

отредактировать подготовленные безграмотными программистами тексты, перевести привезенные с выставки буклеты – Оля закончила филологический; Оля читала Гомера и Басе; Оля знала три языка, не считая родного русского. Мы опасались, что когда-нибудь наша Оля отыщет более престижную работу с большей зарплатой и бросит нас, но она, кажется, была всем довольна и не искала от хорошего – лучшего.

У нее и в личной жизни так же было: где-то в стороне от нас всех жил ее парень, простой инженер с окладом в двенадцать тысяч рублей, автомобилем «Лада-Самара» и съемной малосемейкой на краю города. Что ей Димка с его четырехкомнатными хоромами, «Маздой» и золотой цепью на шее? Что ей я? Или Минтай Юрьевич?

Она ко всем нам относилась одинаково.

Во всяком случае, поначалу...

Если бы не Оля, я, возможно, совсем разочаровался бы в людях. А это, учитывая обстоятельства, в которых мы все тогда оказались, ни к чему хорошему не привело бы.

Я так думаю.

* * *

– Пробки вышибло? – сам у себя спросил Димка, почесывая затылок. – С чего бы вдруг?

– Давай схожу проверю, – тут же откликнулся Минтай Юрьевич.

– Э... Пока не стоит... Какие-то недобрые у меня предчувствия.

Димка подошел к задернутому окну, глянул за штору. Что-то в Димке изменилось – я видел это, чувствовал: он будто игру какую-то затеял.

– А ведь сегодня первое число, – сказал Димка зачем-то. И пояснил, все еще глядя в окно:

– Первое, апрель – никому не верь.

– Ролик – розыгрыш? – спросил я.

– Ролик, скорее всего, вирусная реклама какого-то нового фильма, – предположил Димка. – Не зря он в топе новостей висел – проплачен наверняка.

– А что там еще писали? – спросил Минтай, подвигаясь ближе к погасшему монитору. – Ты так быстро листаешь, что я, кроме этого зомби, ничего и не успел увидеть.

– Я, в общем-то, тоже, – признался Димка. – Что-то про исчезновение людей было. Про какие-то самосуды. И про неизвестную болезнь. Все, как обычно... Хотя... Конечно... – Он хмыкнул.

– Что? – спросила Оля.

– Если бы мы были героями фильма ужасов, я бы, пожалуй, немедленно вооружился.

– Хватит нас тут пугать, – строго сказал я ему. – Сегодня первое апреля, а не тридцать первое октября.

Димка зловеще расхохотался, пуча глаза и загребая руками воздух перед собой. Осекся, помрачнел. Угрюмо произнес, нас всех оглядывая:

– Если честно, я не понял, что происходит. Электричества, похоже, во всем квартале нет. И затишье какое-то странное. Наш двор всегда был спокойным, но не настолько же... А самое странное знаете что? Новости на сайте – вчерашние. Все до единой!

– Опять пугаешь?

– Предостерегаю! – подвывая, ответил валяющийся дурака Димка.

Никто, конечно же, в надуманную опасность не поверил. Но жутко было всем, тем более что на улице начинало темнеть, и в просторных залах квартиры сгущались самые настоящие первобытные сумерки. Еще свежи были впечатления от фильма про мертвецов, да и короткий, якобы документальный ролик не забылся. А тут еще девчонки о подозрительном типе, мнущемся на лестничной площадке, вспомнили. Он, впрочем, уже куда-то делся – об этом доложил Димка, заглянув в дверной глазок.

Город медленно тонул во тьме, только местами на небо наплывало какое-то мутное зарево. Димка отыскал в ящиках комода ароматические свечи разных калибров, расставил их по гостиной и зажег. Мы часто подходили к окнам, видели в далеких черных прямоугольниках редкие зыбкие отсветы, понимали, что мы не одни такие, – и нам становилось чуть спокойнее. Не зная уже, чем себя занять, мы начали строить разные предположения о случившемся – будто в города играли. Вспомнили о террористах, о бомбежке Белграда, об авариях на подстанциях, о Чернобыле, Бхопале, Бермудском треугольнике и шхуне «Мария Селеста». Я выдвинул теорию, что, пока мы беспробудно здесь праздновали, над городом наблюдался звездный дождь необычайной красоты, и все, кто его видел, сейчас слепы и беспомощны.

На меня поглядели как на дурака.

– Вот что, – сказал Димка, ковыряясь в светодиодном фонарике китайского производства. – Оставайтесь вы сегодня у меня. Переночуем, перекантуемся, а утром на свежую голову во всем разберемся. Если это действительно нашествие зомби, что ж... – Димка хохотнул, давая понять, что его слова не нужно воспринимать всерьез. – Тогда будем вести себя соответственно. Как в кино.

– Это как же? – спросила молчавшая весь вечер Таня. – Начнем искать печенье «Твинки»?

Димка удивленно на нее взглянул, вскинул бровь и одобрительно хмыкнул.

Кажется, Таня удачно пошутила.

Кажется, ее шутку понял один Димка.

* * *

Я не знаю, что рассказать о Тане, кроме того, что уже было сказано выше.

Впрочем, вот: эта девушка часто делала то, чего от нее не ждали. А от нее, в общем-то, никогда ничего не ждали. Всегда и всюду она казалась лишней и ненужной. Она была балластом.

Но если бы не Таня, мы, наверное, так бы и не поняли, чего нам следует бояться пуще смерти.

Спасибо тебе, Танюша.

* * *

Спать мы все устроились в гостиной, благо здесь имелись два дивана и несколько широченных кресел. Но сон не задался, очень уж эмоциональный выдался вечер. Часа полтора, наверное, продолжались наши тихие разговоры, и только Минтай с Катей не участвовали в беседе – они, хихикая, занимались друг другом. Эта парочка первой и заснула – к нашему общему облегчению.

Ночью кто-то сильно и долго стучал в дверь квартиры. Димка даже вставал, зажигал свечу, топтался с ней в коридоре, прислушиваясь к доносящимся с лестничной площадки звукам. Заглядывать в глазок он боялся.

На улице тоже было беспокойно: часа в три где-то неподалеку что-то глухо взорвалось; ближе к утру я слышал какие-то истошные вопли; а на рассвете нас разбудил дружный вой автомобильных сигнализаций. Свалившись с постелей, не продрав глаза, мы сгрудились у окна, заглядывая во двор. Там внизу ворочался среди припаркованных автомобилей красный тонированный «Кашкай». Морда его была разбита, бока заметно помяты, зад ободран. Мы видели, как с детской площадки бросились к автомобилю два человека – те самые, которых мы применили еще вчера. «Кашкай» сшиб одного, переехал другого и вырвался на свободу, опрокинув набок старенькую «Оку» и развернув черный «Меган».

Завыл, вибрируя, лежащий на стеклянном столе брелок с ключами.

– Это же моя машина! – спохватился Минтай Юрьевич.

– Он их сбил! – задохнулась Оля. – Вы видели? Видели?!

Пострадавшие дергались на грязном асфальте, возились, будто пробуя встать на переломанные ноги. Димка растолкал нас, лег грудью на подоконник, сплющил нос о стекло.

– Знаете что, ребята, – протянул он, видя что-то, чего не замечали мы. – А я на месте водителя, пожалуй, поступил бы так же.

– Кто-нибудь, позвоните в милицию, – громко потребовала Оля. – И в «Скорую»!

– Думаю, милиция нам не ответит, – мрачно возразил Димка. – А «Скорая», подозреваю, никому там не поможет. Кажется, началось то самое, о чем я всегда мечтал.

– Что именно? – спросил я, уже зная ответ.

– Конец света, – сказал Димка. На розыгрыш это не было похоже. – И он показал пальцем куда-то вниз.

Я прижался щекой к холодному и влажному стеклу, пытаюсь увидеть, что же такое узрел там Димка.

Я увидел. И крепко вцепился в подоконник.

– О, господи... – простонал рядом Минтай.

По прилегающему к дому тротуару, по черному асфальту, который даже зимой оставался голым из-за проложенной под ним теплотрассы, по квадратам «классиков», детским рисункам мелом и потертой надписи «Натусик, я тебя люблю» брели невесть откуда взявшиеся люди.

Возможно, они вышли из гаражного массива, что находился за углом нашего дома. Может быть, они выбрались из подвала или какого-то подъезда. Не знаю.

Они шли, точно как шли те зомби в фильме – подволакивая ноги, пошатываясь, неуклюже поводя руками.

И они все горели.

«Кто там?»

В десять часов утра Оля пробормотала:

– Нужно что-то делать, – и пошла на кухню ставить чайник.

Мы не пошевелились. Мы сидели перед выключенным телевизором и тупо чего-то ждали. Всем было ясно, что в не замеченные нами дни мир страшным образом переменялся. Но принять сей факт и поместить его в голову не получалось.

– Может, война? – неуверенно предположил Минтай.

– Война с марсианами, – буркнул Димка и, дохлебав пиво, бросил бутылку под ноги. Он снова был пьян. – Отравляющие облака, испепеляющие лучи, шагающие треножники.

– Жюль Верн, – сказала Катя.

Никто не стал возражать.

Разговаривать не хотелось – разговор угнетал. Молчание тоже давалось нелегко. Делать что-то было попросту страшно – бездействие казалось более уютным и безопасным. Мы ведь уже пробовали кое-что предпринять, и всякий раз наши надежды оборачивались разочарованием.

Пока работала сотовая связь, мы пытались хоть куда-нибудь дозвониться: родным, знакомым, в милицию и «Скорую помощь», в пиццерию, в службу такси, в зоопарк. Где-то включался автоответчик, чья-то линия была занята, какие-то абоненты объявлялись недоступными. Но чаще всего трубку просто никто не брал, и мы подолгу слушали длинные гудки или неуместно веселые мелодии, надеясь, что их сейчас – вот-вот – прервет хоть чей-нибудь живой голос.

Минтай Юрьевич времени на звонки не тратил. Он, никому ничего не сказав, вышел в Интернет со своего модного прожорливого смартфона, но посадил аккумулятор прежде, чем смог разобраться в закладках «Оперы-мини». Единственной страницей, которую ему удалось открыть, была его страничка на «мобильных одноклассниках». Единственной новостью, которую он узнал в результате недолгих манипуляций, была новость о том, что кто-то оценил его фото на пятерку с плюсом.

Если бы Минтай вовремя позвал Димку, вместе они, возможно, и успели бы хоть что-то вытянуть из умирающего смартфона. Но Димка на тот момент был занят. Он откопал на антресолях старый радиоприемник с батарейками, закисшими в советское, видимо, еще время, и пытался его реанимировать. Кухонным ножом Димка зачистил позеленевшие контакты, выдул едкую пыль и подключил к приемнику новый источник питания, на скорую руку сляпанный из скотча, проводков от елочной гирлянды, канцелярских скрепок и россыпи пальчиковых батареек, добытых из пультов ДУ.

Починенное радио хрипело и щелкало. Но человеческих голосов в эфире нам найти не удалось. Только встретившееся бодрое попискивание морзянки несколько нас обнадежило – пока Димка не сказал, что эти повторяющиеся сигналы, скорей всего, генерируются автоматически, без участия человека.

Вот тогда мы и сели перед телевизором, подавленные, растерянные и напуганные.

А когда Оля ушла на кухню ставить чайник, пьяный Димка с тоской поглядел ей вслед и сказал:

– Все идет не так.

Я вяло кивнул; я был полностью с ним согласен: еще вчера я не сомневался, что наши с Катей отношения все же закончатся свадьбой. А сегодня...

– Телефонные сети должны быть перегружены. – Димка начал загибать пальцы. – Телевизор и радио должны информировать население о произошедшем. В городе должна находиться армия. Электричество должно быть, потому что стратегические объекты должны охраняться. –

Его язык заплетался. – А электростанции – это стратегические объекты... – Он помолчал, думая о чем-то. И повторил: – Все идет совсем не так.

С кухни, держа в опущенной руке свой розовый мобильник, вернулась Оля. Она присела на краешек дивана рядом со мной и тихонько сказала:

– Мне пора идти.

Это было так неожиданно, что все повернулись к ней, и кто-то даже привстал, а Димка хихикнул и захлопал в ладоши, будто радуясь удачной шутке.

– У меня мама, – потупившись, объяснила Оля. – И папа... Я обещала им не задерживаться... У меня три пропущенных звонка... Я не видела... А теперь... – Она всхлипнула. – Они не отвечают...

Оля закрыла лицо руками и заплакала.

Все молчали, смотрели на нее и даже не пытались хоть как-то ее утешить.

– Их всех, возможно, эвакуировали, – неожиданно внятно проговорил Димка. – Но скорей всего... – Он выбрался из кресла, пнул пивную бутылку и едва не упал. – Но скорей всего, их уже нет в живых.

– Да что ты такое говоришь?! – возмутилась побледневшая Таня.

Димка резко к ней повернулся, явно собираясь сказать что-то злое в ответ. Но не успел.

Мобильник, который Оля крепко сжимала в мокром от слез кулачке, вдруг заверещал, вибрируя. Оля взвизгнула, взмахнула руками – розовый телефон взмыл к хрустальной люстре, ударился о потолок и развалился на куски.

* * *

Мы так и не узнали, был ли это звонок от родителей, извещение о новой эсэмэске или напоминание органайзера. Оля утверждала, что рингтон с поросычьим визгом она ставила только для входящих с незнакомых номеров. Но родители или кто-то из близких вполне могли воспользоваться чужим телефоном.

Как бы то ни было, но тот резкий звонок вывел нас всех из состояния угрюмой апатии.

И мы решили действовать.

Но прежде надо было выработать хоть какой-то совместный план. Тут-то и возникли первые трудности. Оказалось, что у каждого из нас свое понимание ситуации; выяснилось, что все мы по-разному видим решение свалившихся на наши головы проблем.

Минтай полагал, что нам никуда не нужно соваться. Он с пеной у рта доказывал, что мы должны тихо сидеть в запертой квартире и ждать спасения. Для пущей убедительности он выдумывал наглядные, как ему мнилось, образы: сравнивал, например, город с минным полем и призывал дожидаться саперов. А в том, что они рано или поздно появятся, он не сомневался. Минтай посоветовал сделать запас воды, пока она течет из крана, – вот это было действительно разумно. Мы успели налить большую кастрюлю и половину ванны, прежде чем смеситель захрипел, и ослабевшая струйка холодной воды иссякла окончательно. Некоторые другие советы Минтая тоже показались нам небесполезными: мы составили список имеющихся в квартире продуктов, плотно задернули шторы, выгребли из шкафов всю теплую одежду. А вот вывешивать за окно простынь с надписью «Здесь люди» Димка запретил категорически.

– Ты уж прямо напиши «Здесь еда, питье и девки», – произнес он довольно грубо.

У Димки имелся свой план. Он считал, что первым делом мы все, и девушки в том числе, должны хорошенько вооружиться и экипироваться. Он даже перечислил несколько точек, где это можно сделать: районный отдел милиции, управление службы судебных приставов, тир университета, магазины «Охотник» и «Динамо». Добытым оружием Димка планировал набить имеющиеся у нас автомобили: свою «Мазду», «Меган» Минтая и мою «десятку». Все, что не поместилось бы в машинах, он собирался спрятать в надежном месте, и лучше бы не в

одном. «С оружием в руках, – обещал нам Димка, – каждый из нас станет боевой единицей, а наша компания превратится в грозный отряд – по крайней мере, в глазах простых обывателей». Димка рассказал нам про схроны, оборудованные в развалинах кирпичного завода, и про место сбора, куда должны были подтянуться его приятели с оружейных и выживательных интернет-форумов. Димка предсказывал, что через пару дней в городе начнется бандитский разгул. Он планировал как можно скорее сколотить свою банду – банду хороших людей.

Мне было смешно его слушать. Но сам я на тот момент ничего не мог предложить. Идея перебраться в дикую глушь еще не приходила мне в голову. У меня вообще никаких идей не было. Я лишь понимал, что прежде, чем планировать что-то, и уж тем более действовать, надо как следует во всем разобраться. А все, что мы знали, что видели: вымерший город, отсутствие электричества, тишина в радиоэфире, видеоролики на ютубе и даже охваченные огнем, разбредаящиеся по двору фигуры, – все это, скорее, рождало множество вопросов, нежели давало хоть какие-то ответы.

Это только Димке все уже было ясно. Я же никак не мог поверить в его теорию всеобщего внезапного конца. Как не мог поверить в предательство Кати.

– Надо кого-нибудь найти, – сказал я. – Ночью мы видели огни в окнах. Значит, в городе есть и другие люди. Они могут знать больше нашего.

– Эти твои люди завтра пойдут громить магазины, – недовольно заметил Димка. – После завтра начнут убивать друг друга. А к концу недели перестанут быть людьми.

– Нам только нужно немного подождать, – вкрадчиво проговорил Минтай.

– Я хочу к маме, – тихо сказала Оля.

В квартире уже ощутимо холодало. Выстывал весь дом. Ток жидкостей в его трубах прекратился, из проводов ушло электричество. Было удивительно тихо – как в деревне зимней ночью. Только в стояках канализации еще что-то шумело: шуршало и булькало.

Огромный восемнадцатизэтажный дом превратился в покойника с бурчащими гниющими кишками.

* * *

Тот долгий день, как я сейчас понимаю, многое для нас определил. Это был один из тех ключевых дней, когда мы должны были сделать некий выбор, влияющий на дальнейшее развитие событий. Такое встречается в некоторых компьютерных играх – ты разносишь из крупного калибра лезущих на тебя монстров, и вдруг все замирает, тускнеет, а на экране появляется надпись – куда теперь? Направо, налево? Бросим друга или попробуем отбить его у врага? Примем предложенную помощь или откажемся, опасаясь предательства? Поднимемся на крышу или спустимся в подвал?..

Мы не пошли на крышу. И в подвале нам нечего было делать. Мы решили покинуть квартиру, чтобы найти того, кто сможет ответить на наши вопросы.

В тот день мы еще не осознавали всей опасности подобной вылазки. Мы не собирались выходить на улицу, и потому чувствовали себя защищенными. Мы всего лишь планировали пройти по лестнице, стуча в закрытые квартиры. Но мы не учли, что обесточенный домофон отпирает дверь подъезда, – мы совсем забыли об этом...

Тот долгий день вправил нам мозги и многое расставил по своим местам. Только мы этого тогда еще не понимали.

* * *

– Я выхожу первым, – деловито проронил Димка, еще раз поглядев в дверной глазок. – Брюс, ты идешь за мной. На площадке сразу же разделяемся – ты проверяешь четыре нижних

этажа, я проверяю четыре верхних. Если все чисто, не задерживаемся и сразу возвращаемся сюда. Остальные ждут здесь, наблюдают и придерживают дверь, чтобы она не захлопнулась. Всем все ясно?

Димка держал в руке четырехзарядную «Осу». Моим оружием была обычная деревянная швабра.

Минтай проворчал что-то – кажется, он был недоволен доставшейся ему ролью. Но менять что-либо сейчас было поздно – Димка уже отпер дверь, выглянул наружу и объявил, не оборачиваясь:

– Все тихо.

Он шагнул за порог. Я поспешил за ним.

Нам потребовалось полторы минуты, чтобы проверить верхние и нижние этажи. Ничего подозрительного мы не заметили. О чем и отчитались, вернувшись к ожидающим нас товарищам (Минтай, понятное дело, товарищем я уже не считал).

– Теперь идем по квартирам, – напомнил Димка. – Стучим во все двери. Если кто-нибудь откликнется, пытаемся вызвать его на разговор. Оля, ты со мной. Брюс, бери в напарники Юрича...

Наверное, мое лицо здорово изменилось, а может, Димка и сам понял, что сморозил глупость. Он осекся, закусил губу. Я понимал – он хочет быть с Олей; отдать ее мне, чтобы самому остаться с Минтаем, – такой вариант его не устраивал. Выход предложила Катя:

– С Мишей пойду я, – заявила она. – Вы идите втроем. А поддержать дверь, думаю, сможет и один человек. – Она кивнула на Таню.

– Пожалуй, – согласился Димка, не слишком, впрочем, довольный моей компанией; он, как-никак, рассчитывал остаться с Олей наедине – у него все на простецкой конопатой роже читалось. Проницательная Катя это, конечно, тоже заметила, ухмыльнулась, подмигнула мне. И я, забывшись, чуть было ей не ответил, но вовремя спохватился, набылчился, отвернулся.

Да как она вообще могла?! С Минтаем! После всего, что между нами было! Да еще тут, когда я находился, можно сказать, за стенкой!..

Я украдкой на нее глянул.

Она продолжала на меня смотреть – пристально, прямо, с улыбкой, с любопытством.

Я вспыхнул, опустил взгляд. Сказал сердито, швабру свою тиская, будто стараясь ее задушить:

– Ладно, хватит тут мяться, пошли уже.

Сейчас я в толпу зомби был готов ворваться, лишь бы не стоять здесь, рядом с веселящейся изменницей. Вот и вышло, что в первую дверь постучал я – сильно постучал, крепко – не рукой, а рукоятью швабры. Прислушался: тишина, как в склепе. Стукнул еще раз. Прокричал:

– Есть там кто?!

В соседнюю дверь забарабанил Димка. Оля стояла рядом с ним, заметно смущалась, – должно быть, представляла, что будет говорить, если на шум из чужой квартиры выглянут незнакомые люди и спросят, какого черта мы тут делаем. Еще больше смущалась Таня – она была похожа на улитку, готовую спрятаться в раковину, и у меня, помню, даже сомнение тогда возникло, разумно ли мы поступили, оставив ее одну сторожить наши тылы, наш единственный путь к отступлению.

А может, это не сомнение было, а предчувствие. Ведь и часа потом не прошло, как мы оказались в ловушке.

Пока же мы бесстрашно стучали в запертые двери, кричали, прислушивались, не раздается ли какой звук с той стороны. И шли выше, на следующий этаж. Удивлялись вслух, куда могли деться соседи; гадали, почему может быть такая тишина – то ли мы пропустили эвакуацию, то ли все затаились, то ли вымерли разом? Иногда нам казалось, что по ту сторону двери, притаившись, кто-то стоит. Один раз мы слышали какой-то шум, будто упало что-то тяжелое,

но не твердое. Пару раз нам чудилось, что кто-то трудно и неровно дышит, прислонившись к двери. А подходя к одной из квартир на двенадцатом этаже, мы успели заметить, как медленно опустилась, а потом так же медленно поднялась дверная ручка, но запертая дверь так и осталась закрытой, и у нас сложилось ощущение, что кто-то просто не может справиться с замком. Мы стучали, звали, просили ответить, спрашивали, что вообще произошло, говорили, что нам нужна помощь, и сами обещали помочь... Никто не отозвался, не откликнулся – ни здесь, ни раньше, ни позже.

Мы прошли уже шесть этажей, считая от нашего, и планировали подняться на седьмой, когда внизу раздался истошный визг. Мы почему-то сразу поняли, что это визжит Таня.

– Бежим! – рывкнул Димка, но его запоздавшая команда была лишней – мы уже неслись вниз, прыгая сразу через несколько ступенек, на поворотах хватаясь за громышающие перила. Я опередил Димку на целый пролет и первый увидел Таню. Она стояла там, где мы ее оставили; лицо ее выражало крайнюю степень ужаса – у меня волосы на загривке поднялись дыбом, и в животе похолодело, когда я заглянул в ее широко открытые глаза. Таня уже не визжала, из ее перекошенного рта вырывался сдавленный сип, а в горле будто klokотала кипящая вода. Тот, кто напугал девушку, находился здесь же, на площадке – в трех шагах от Тани. Он не двигался, словно оглушенный ее визгом. Дурно пахнущий, грязный с ног до головы, с разбитым опухшим лицом, похожим на страшную маску – он стоял, чуть покачиваясь, и тихо жутко похрюкивал. Его мутные заплывшие глаза ничего не выражали – больше всего они походили на потускневшие поцарапанные пуговицы. Гадать, откуда взялось это существо, не приходилось – дверь в квартиру напротив была распахнута настежь; именно с этой квартиры мы начинали обход, именно в эту дверь я стучал ручкой швабры. Из могильно-черного проема тянуло затхлой кислятиной.

Я прыгнул между Таней и страшным подобием человека, выставил перед собой швабру. В тот же миг Димка слетел со ступеней, мигом оценил обстановку и вскинул «Осу», держа ее двумя руками.

Внизу звонко шлепали фирменные ботинки Минтая – он тоже спешил на крик. Гремели и лязгали перила.

Голова жуткого человека медленно повернулась, глаза-пуговицы уставились на Димку. Открылся окровавленный рот:

– Ты чо, Демон?

Я не поверил своим ушам – существо разговаривало.

– Серый? – неуверенно пробормотал Димка.

– Ну, Серый, и чо? Не признал, что ли, корефана? Попутал, да? Да убери ты волюну свою тупорылую, чо!

Димка опустил «Осу». Глупо ухмыляясь, спросил:

– Ты в зеркало-то свою рожу видел? Тебе «Оскара» за спецэффекты давать можно!

На лестнице показался Минтай. Он остановился на ступеньках, тяжело дыша, нас разглядывая, пытаясь понять, что тут происходит. Придержал за руку подоспевшую Катю.

– Это он, – шепнула мне Оля. – Это его мы видели в глазок.

Я вспомнил, что Димка рассказывал про самогонщика Серегу и про его жену, сгоревшую в постели.

– Все нормально, – шепнул я Оле в ответ. – Уведи Таню, успокой. Подождите нас дома.

– Хорошо.

– Ну что тут у вас? – решился подать голос Минтай.

– Да вот, сосед нашелся, – сказал Димка. – Только он, по ходу, и сам ничего не знает.

– Крест на пузе! – подтвердил опухший сосед. – А я чо вышел-то. У меня там в туалете хрень какая-то. Вы бы глянули, может, подмогнули бы по-соседски, а? Я налью за беспокойство, у меня осталось.

- А что там у тебя в туалете? – подозрительно поинтересовался Димка.
- Да чушка какая-то. Я уж ее ножиком потыкал – а все равно не понял, что это за хрень такая.
- Чушка? – переспросил Димка. – Слушай, а ты там, случаем, никого не прирезал?
- Не-е! – замахал руками Серый. – Чо я, отмороженный какой? Чушка там! Вот с тебя ростом, – он показал на меня.
- Ладно, – решил за нас всех Димка. – Пойдем, глянем. Но только быстро.

* * *

Сергея пил неделю без просыху: начал у своего приятеля Славика, живущего в частном доме за гаражным массивом, закончил в своей квартире. Что было между началом и концом, он помнил смутно. Хорошо помнилась только ночная уличная драка возле киоска, в которой какие-то малолетние наглые ушлепки расквасили Сергею лицо, намяли бока и облегчили его карманы. Крепко побитый Сергей, немного отлежавшись за киоском, приковылял домой, где его дожидались приятели, – их, вроде, было уже пятеро. Подлечив пострадавшего хозяина спиртным, гости возжелали мести, но дальше разговоров дело, кажется, не пошло. Еще Сергею неясно помнились какие-то предупреждения по телевизору – Славик постоянно ругался, что выходной день, а глядеть нечего, и кидался в экран килькой прыного посола, цепляя ее пластмассовой вилкой.

Потом был очередной провал.

Очнувшись Сергей в тихой пустой квартире: электричества не было, радио молчало, все приятели куда-то сгинули, оставив после себя разгром и бардак. Хлебнув закишшего рассола, побродив по квартире, похожей на помойку, Сергей лег на диван умирать. Поумирав часа два, он все же решил сделать в этом мучительном деле небольшую передышку и сполз с дивана, когда какой-то придурок (вообще-то это был я) заколотил в дверь. Отвечать на стук Сергей не собирался. Стеная, задев плечами косяки, он вышел на кухню и долго искал там воду – в чайнике, в кастрюлях, в стаканах. Воды нигде не было, даже из крана ни разу не капнуло, как Сергей ни крутил вентили. Вот тогда он и вспомнил о бачке унитаза. Но дверь туалета почему-то оказалась заперта. Сергей, стараясь ее открыть, оторвал ручку и лишь после этого сделал то, что нужно было сделать сразу – подсунув лезвие кухонного ножа в щель, поднял и сбросил крючок запора с петли. Дверь открылась. Томимый жаждой Сергей ввалился в темный тесный закуток и сразу налетел на что-то большое, жесткое и теплое – на чушку.

Чушка преградила Сергею путь к унитазу, и он сразу же ее возненавидел...

– А вы потрогайте ее, – предложил нам хозяин квартиры. – Она как живая.

Мы, морщась от кислой вони, стояли в коридоре перед открытым туалетом и недоуменно разглядывали раскорячившуюся в узком пространстве «чушку».

– В твоей грязи, – пробормотал Димка, – и не такое завестись может.

Мне почему-то было очень страшно, но я хихикнул.

– Что это вообще такое? – спросил Минтай, не подходя близко. Он демонстративно зажимал нос пальцами, отчего голос его делался похожим на гнусавую озвучку старого видеофильма.

Темно-серый кокон высотой в человеческий рост не то стоял, придерживаемый сплетением белесых нитей, не то висел на них. Так могла бы выглядеть жертва гигантского паука из «Властелина колец». Только вот кокон этот, если верить Сергею, был монолитен и прочен, как бетон, а паутина, в которой он висел, не поддавалась ножу и сама резала руки.

Я увидел нечто цветное, торчащее в теле кокона, и подался ближе – это был туалетный ершик. Я тронул его шваброй и совсем чуть-чуть надавил. Ершик неожиданно легко отвалился, а «бетонный» кокон, хрустнув, лопнул сразу в нескольких местах.

– Черт, – проронил я.

– Ты же говорил, он крепкий, – попятившись, пробормотал Димка.

– Ага, – подтвердил удивленный Серега. – Я его ножом ковырял и молотком по нему стучал, а он не поддавался.

От верхней части кокона отвалился здоровенный кусок. Неприятный кислый запах усилился. И нам всем показалось, что в неровной дыре что-то шевельнулось.

– Не нравится мне это, – сказал Димка, держась за свою «Осу».

– Похоже на яйцо, из которого кто-то вылупляется, – добавил Минтай.

– Нет, – медленно проговорил я. – Этот кокон похож на кокон. На куколку. Понимаете?

– В куколку превращается гусеница, – поделилась своими знаниями Катя. – А потом из куколки выбирается бабочка.

– Закрывайте дверь! – заорал вдруг Димка, напугав нас всех. – Запирайте! Да не стойте же вы! Быстрей!

Еще один кусок выпал из «чушки» и рассыпался у моих ног. Я, не думая, ткнул в образовавшуюся дыру шваброй и почувствовал ответный удар – внутри кто-то был, и ему моя бесцеремонность явно не понравилась.

– Там внутри, похоже, человек, – сказал я. И позвал, догадываясь, что ответа не получу:

– Эй! Кто там?!

Все замерли. Даже Димка остановился.

Мы услышали шум внутри кокона – будто, действительно, гигантская бабочка скребла лапками, шуршала смятыми крыльями, отыскивая выход из своей темницы.

А потом эта «бабочка» сиплю зарычала, кокон начал разваливаться, нити, что удерживали его вертикально, принялись рваться. Димка опять завопил про дверь, потянул меня назад, едва не опрокинув, – но я все же успел увидеть, как из рассыпающейся «чушки» неуклюже выбирается страшное уродливое существо.

– Зомби! – заорал я, вспомнив Димкины фильмы.

Дверь захлопнулась; я все же упал; едва не придавив меня, с грохотом завалился набок стоящий рядом тяжеленный шкаф – Димка и Серега баррикадировали выход из туалета.

– Зомби, – растерянно повторил я и, повернувшись, увидел, как из комнаты в коридор выходит еще одно такое же существо, с ног до головы обсыпанное серой пылью.

* * *

Наверное, глупо было называть этих обращенных словом «зомби» – они все же не живые мертвецы и не одурманенные ядом рабы. Но – «слово не воробей, вылетит – не поймаешь». Я потом не раз думал, какое название лучше подошло бы для этих тварей. Так и не определился.

Не слишком расторопные, многочисленные, вечно голодные, сильные, невероятно живучие и тупые – зомби и есть. Они тошнотворно воняют кислятиной, их слюна ядовита, их жвалы легко перекусывают и перемалывают любую человеческую кость – хрясь – и все! А самое жуткое, с моей точки зрения, это то, что обратившиеся зомби остаются похожими на тех, из кого они обратились. Происходит так, скорей всего, из-за малого времени метаморфозы – всего-то за три-четыре часа в коконе выпекается монстр, похожий на соседа, родственника, на твою жену, мать или ребенка. Или на тебя – если это тебе сегодня не повезло, если это ты вдруг почувствовал смутное беспокойство и, обильно потея серой слизью, начал искать уединенное место.

Мерзкие твари. Я не хотел бы стать таким.

* * *

С тем зомби, что вошел в коридор и направился к нам, разобрался Димка. Действовал он решительно: отстранив Таню, быстро двинулся монстру навстречу. Когда между ними оставалось полтора метра и чудище, урча, уже тянулось к живому двуногому мясу, Димка вскинул «Осу» и вплепил все четыре пули в отвратительную слюнявую пасть, похожую на жвала насекомого, – брызги так и полетели. Но этого показалось Димке недостаточно. Не слишком доверяя травматическому оружию, он отобрал у оторопевшего Сереги нож и с размаху всадил его в глаз «покойнику» – фильмы про ходячих мертвецов научили Димку, как правильно обращаться с зомби.

– Во дает! – восхитился Серега.

Чудище, щелкая челюстью, завалилось назад.

Димку вырвало.

Из туалета неслись жуткие звуки. Заблокированная шкафом дверь вздрагивала и понемногу открывалась – этого никто не замечал. Все смотрели на поверженного, но еще живого зомби – он корчился на полу, размахивал конечностями, в его пасти хлюпала коричневая пена.

– Откуда он взялся? – отплевываясь и вытирая губы, спросил Димка. – Серый, ты дверь за нами закрыл?

– Обижаешь, братан! Закрыл и запер!

– Точно? Тогда этот откуда приперся?

– Да он, наверное, тут где-нибудь прятался, – сказал Серега. – В квартире. Это же приятель мой, я рассказывал про него. Славик это.

– И сколько, говоришь, у тебя собутыльников было? – бледнея лицом, спросил Димка.

– Пятеро вроде.

– Вот черт, – выдохнул Димка и трясущимися руками принялся торопливо перезаряжать «Осу».

* * *

Квартира у самогонщика Сереги была большая. Ему много раз предлагали ее продать и взять что-нибудь более скромное, но он, напуганный рассказами о «черных» риелторах, охотящихся за одинокими алкоголиками, про подобные сделки и слышать ничего не желал. Тем более что не очень давно придумал, как получать с лишней площади доход, – две комнаты из четырех Серега сдал под склады каким-то армянам с ближайшего рынка. Они не слишком его беспокоили, появлялись не чаще раза в неделю, что-то быстро забирали, что-то приносили, исправно платили деньги и в жизнь хозяина квартиры не лезли. Ну и Серега в сданные комнаты почти не совался. Нечего ему там делать было – в одной из них сгорела его гражданская жена, другая для жилья и вовсе была непригодна: в ней отсутствовали батареи отопления, а вместо оконных стекол были вставлены куски фанеры и картона; даже свет здесь не включался из-за неисправной проводки – армяне ходили в эту комнату с фонариками.

Судя по следам, именно оттуда и выбрался в коридор переживший Славик.

– Ну уж нет, – заявил Димка, с опаской поглядывая в сторону приоткрытой двери. – У нас тут не кино, так что туда мы не пойдем.

– А может, спалить здесь все? – предложил я и сам понял, какую глупость сморозил, – огонь весь дом может охватить, пожарных-то в городе нет.

– Чо ты ляпнул, чудило?! – завопил Серега. – Какое спалить! С меня армяне три шкуры сдерут!

– Да нет уже никаких армян, – спокойно заметил Димка. – Идем ко мне, там решим, что делать дальше.

Он стоял на ковре, которым мы накрыли недобитого зомби, – тот все еще дергался, пусть и не столь активно.

Перепуганная Катя жалась к стенке. Ее оберегал вооружившийся молотком Минтай – выглядел он довольно комично, в первую очередь из-за инструмента: молоток был маленький, почти игрушечный, а Минтай держал его двумя руками.

Я встал рядом с Димкой и почувствовал, как шевелится под тяжелым ковром страшный Славик, которого восемь пуль из травмата и воткнутый в глазницу нож так и не смогли успокоить.

– Я через него не полезу, – заявила вдруг Катя.

Димка холодно на нее поглядел, сказал равнодушно:

– Как хочешь.

Я вдруг понял, что уже какое-то время не слышу звуков из туалета. Тот, кого мы там заперли, больше не пытался вырваться наружу. Меня это насторожило.

– Юрьич? – позвал Димка нашего начальника. – Ты идешь?

– Да-да... Сейчас... – Минтай привлек к себе Катю, приобнял ее, что-то зашептал ей на ухо – кажется, уговаривал следовать за ним. Мне стало противно смотреть на эту парочку, и я отвернулся. Вспомнив о пропавших собутыльниках Сереги, заглянул в проходную комнату, где у некрашенных чугунных батарей выстроились бутылки с брагой. Приметил на шифоньере лыжи, подумал, что лыжные палки больше походят на оружие, нежели моя швабра. Оглянулся на Димку, на Серегу – минута-другая у меня еще была. И я, не теряя времени на раздумья и колебания, бросился в комнату к шифоньеру, схватил стул, передвинул, залез на него, потянулся вверх...

Лыжные палки были просто отличные – крепкие, по-советски кондовые, с острыми двухсантиметровыми шипами на концах, с резиновыми рукоятками. Я сразу отломал пластмассовые кольца и отбросил ненужную больше швабру. Пробуя получившуюся пику, легонько стукнул в дверцу шифоньера. Она скрипнула и открылась. Мне в ноздри ударил кислый запах, к которому я вроде бы уже притерпелся. Серая пыль выплеснулась из шкафа. Звеня, выпала металлическая перекладина, разлетелись по полу деревянные вешалки-«плечики». В коридоре что-то заорал Серега, заругался вычурным матом. И я увидел, как в глубине шкафа, стряхивая с себя рваную и мятую одежду, поднимается сутулая, нескладная фигура.

Я завопил, ткнул ее лыжной пикой и бросился назад к товарищам.

Зомби выпал из шкафа и медленно, как-то странно дрыгая всем телом, пополз за мной – кажется, у него не было одной ноги.

– Уходим! – проорал я, ворвавшись в коридор. – Уходим все! Быстрей!

За секунды моего отсутствия здесь ничего не изменилось: Катя и Минтай так и стояли на месте, ни о чем, видимо, не договорившись; Димка попирал ногами похороненного под ковром зомби, а рядом, ругаясь, топтался опухший и разящий перегаром Серега.

– Там еще один! – крикнул я.

– Вижу, – озабоченно отозвался Димка. Но смотрел он не в проходную комнату, откуда я выбежал. Он смотрел в конец коридора. Туда, где находился туалет. Дверь туалета была открыта, и в проеме ворочался, пытаясь дальше подвинуть шкаф, уже знакомый нам зомби.

– Это же Павлик, – икнув, обрадованно сообщил Серега. – Ну точно, чо! – Он хлопнул себя ладонью по лбу. – Я и гляжу, рожа знакомая. Павлик из третьей квартиры, у него «Ока» всегда сигнализацией выла. А там Семеныч ползет – ему ногу из-за курения отрезали.

– Да хватай ты бабу свою! – теряя остатки терпения, заорал Димка Минтаю. – Тащи скорей! Сейчас Павлик из гальяна выберется! И вам кранты!

Вот это «бабу свою» здорово меня задело – я даже поморщился.

– Все, мы уходим, – решил Димка. – Брюс, отпирай!

Я кивнул, заметив, что Катя и Минтай наконец-то зашевелились, перепрыгнул через накрытого ковром зомби и бросился ко входной двери. Отперев накладной «английский» замок и сняв цепочку, я уже готовился выйти на лестничную площадку, как вдруг в дверь кто-то сильно стукнул – то ли тяжелым ботинком пнул, то ли головой приложился. Я, предчувствуя недоброе, заглянул в мутный глазок и оторопел.

– Ну кто там еще?! – крикнул мне Димка. – Таня? Оля?

– Нет, – ответил я. – Там зомби. – Я щелкнул замком, запирая дверь, и привалился к ней спиной. – Много зомби.

На лестничной площадке толкались, как минимум, полтора десятка монстров. Я не мог за ними увидеть, закрыта ли дверь квартиры, в которую ушли Таня и Оля. Но я помнил точно, что эта дверь была широко распахнута, когда Серега приглашал нас к себе. И вряд ли девушки притворили ее потом – они должны были ждать нашего возвращения.

Так неужели?..

Подскочивший Димка оттолкнул меня, припал к глазку и выругался.

Отступать из этого коридора нам было некуда – разве только на кухню. Но тогда пришлось бы проскочить мимо лезущего из туалета Павлика – он, видя нас, так и щелкал уродливыми челюстями, хрипел и размахивал руками.

Решение пришло мгновенно: с криком «Убейте Семеныча!» я прыгнул вперед, вырвал из рук растерявшегося Минтая свою Катю и потащил ее к туалету. Она почти не сопротивлялась – кажется, она до смерти перепугалась. Тем не менее команду мою она услышала и поняла.

Отпустив ее, я, будто копьем, с разбегу ударил лыжной палкой лезущего из туалета зомби – я весь свой вес вложил в этот удар, всю свою силу. Павлик отлетел к стене, а я, отбросив пику, тут же захлопнул дверь могучим пинком и налег на тяжеленный шкаф, возвращая его на место. Катя мне помогала.

Скользя ногами по грязному линолеуму, упираясь в стены, пыхтя, мы смогли опять прижать шкаф к двери. Катя касалась меня – рукой, бедром, плечом. Я косился на нее и видел грудь в вырезе платья. Я слышал ее прерывистое дыхание и чувствовал ее запах – у меня голова закружилась.

– Зачем ты это сделала?!

Опомнившийся зомби ударил в притворенную дверь, да так сильно, что с косяка посыпалась штукатурка. Мы с Катей налегли на шкаф, не позволяя ему сдвинуться.

– Что именно? – Ее обращенный на меня взгляд выражал недоумение, но я-то слишком хорошо ее знал, чтобы купиться на эту фальшивую искренность.

– Ты все отлично понимаешь!

Дверь вздрогнула от очередного мощного удара, шкаф отъехал сразу на пару сантиметров – в открывшуюся щель тут же сунулись пальцы. Мы с Катей поднажали.

– Ты хороший мальчик, Боря. А я плохая девчонка.

– Что за чушь?!

– Плохим девочкам нужны деньги. А у хороших мальчиков денег не бывает.

Защемленные пальцы наконец-то убрались. На стенку опрокинутого шкафа передо мной упал серый ноготь с куском кожи и мяса.

– Значит, дело только в деньгах? – пропыхтел я, стараясь не смотреть на мерзкий ошметок.

– Не только...

Павлик словно взбесился, замолотил в дверь так, что казалось, будто в туалете не один зомби, а трое.

– Ты неудачник, Брюс, – припечатала Катя, и я едва не отпустил шкаф. – Ты достиг своего предела и больше не пытаешься куда-то расти. Тебя все устраивает. Тебя. Но не меня. Я давно должна была тебя бросить. Но чего-то ждала... Извини, что получилось вот так...

– А как же... – Я замялся. – Чувства... Симпатия. Любовь... Или не было ничего?

– Ну почему же? – Она отвернулась. – Только это уже неважно.

– Почему?! – закричал я. – Что может быть важнее этого?!

– Будущее, – помолчав, сказала Катя. – У тебя нет будущего. У тебя есть только бесконечное настоящее.

Позади раздались выстрелы – Димка разбирался с калекой Семенычем.

– Значит, ты решила, что у Минтая будущее есть? И чем он лучше меня?

Катя оглянулась, нервно закусив губу и хмуря лобик. Я хорошо знал эту гримаску, я все их успел выучить за время нашего знакомства – эта называлась: «У меня есть одна тайна, я не уверена, что могу ее тебе рассказать, но мне очень хочется».

– У Миши, – Катя понизила голос, – есть шесть миллионов. Мне, в общем-то, плевать на деньги, тем более что это не такая уж и большая сумма. Но для меня эти шесть миллионов показатель того, что мой Миша – человек с будущим. А ты, извини, – лузер.

Я выпрямился, отпустив шкаф, ничуть уже не боясь беснующегося в туалете зомби. Мне даже захотелось выпустить его сейчас в коридор – пусть-ка все поглядят, какое у них тут будущее.

– О чем мило беседуете? – Меня пихнули в правый бок. Чьи-то руки, испачканные бурой слюзью, придержали начавший отползать шкаф. Я повернулся и не сразу узнал Димку – так он был перемазан.

– Семеныч готов, – доложил Димка. – Две пули в висок, две пули в глаз и ювелирная работа молотком. Лежит теперь, не дергается. Серого вон только тяпнул за ляжку. Как думаете, он теперь тоже в зомби превратится?

Доковылявший до нас Серега зло заругался – ему шутка не понравилась. Только шутка ли это была?

Я огляделся.

Бледный Минтай стоял возле Кати и пытался ей помогать, придерживая шкаф ногой. Губы его дрожали, левый глаз подергивался. Он был безоружен – его молоток перешел к Сереге. Но вояка из Сереги был уже никудышный: хозяин квартиры трудно и часто дышал, надувая щеки; на висках и шее у него вздулись вены, на лбу выступила испарина, глаза опять стали похожи на пуговицы. Бедро выше раны перетягивал ремень, но это, кажется, не слишком помогало – вся штанина ниже колена пропиталась кровью, и на полу быстро текла темная лужа.

– Ерунда, – соврал я Сереге. – Немного отлежишься, жидкости попьешь побольше, и все придет в норму.

Запертый в туалете зомби притих, то ли утомившись, то ли покалечившись, то ли осознав тщетность своих попыток вырваться – в последнее верилось с трудом.

– Что будем делать дальше? – спросил Димка, глядя на меня.

– Запремся на кухне, – озвучил я свой короткий план. – Передохнем немного. И попробуем спуститься.

– Спуститься? – удивился Димка. – Вниз? А ты не забыл, дорогой друг, что мы на восьмом этаже?

– Не забыл, – ответил я. – Но, если я все правильно представляю, возможность спуститься есть... Вот только...

– Что?!

– Вот только я не уверен, что моя идея вам понравится...

Вниз!

Самогонщик Серега умер примерно через пятнадцать минут после укуса. Мы заметили это не сразу, поскольку были заняты делом – мы громили кухню: срывали со стен навесные ящики и полки, выворачивали тумбу с мойкой, плиту, стиральную машину, громоздили все это перед единственной дверью. Но мы не просто заваливали ее, нет. Мы все делали по уму – я лично распоряжался стройкой, так как только у меня был заготовлен план действий. Наша баррикада одним концом упиралась в закрытую дверь, а другим – в противоположную стену. Так что сдвинуть ее было практически невозможно.

Вот только сама дверь оказалась хлипкой – но это выяснилось позже...

Серега тихо сидел в углу, вцепившись в чугунную батарею отопления, будто надеясь, что она удержит его в этом мире. Димка опустился на корточки перед ним, чтобы еще раз извиниться за погром. Заглянул в опущенное лицо, тронул шею, коснулся запястий. И встал, дрожа:

– Серега готов.

Неожиданно для нас всех он вдруг всхлипнул, но тут же взял себя в руки. Димка быстро трезвел, и его безбашенное веселое настроение менялось – Демон делался злым и угрюмым.

Я открыл холодильник, достал пятилитровую бутылку с мутной жидкостью, поднял с пола три эмалированные кружки, протер каждую углом рубахи, выстроил в ряд на подоконнике, наполнил. В расколотой деревянной хлебнице нашел горбушку, разделил ее. Предложил:

– Помянем.

Выпили, не чокаясь. Катя, хмуро на нас глядя, сказала:

– И мне налейте.

Налили и ей – в граненый стакан. Она, зажав нос наманикюренными пальчиками, одним махом влила в себя едкий самогон, сморщилась, громко выдохнула и перекрестилась. Отодвинув меня, сама полезла в холодильник искать, чем закусить.

– Мы с Серым в одну школу ходили, – сказал Димка, присев на корточки против покойника. – Он на три года старше меня был. Курить меня научил, зараза.

Я разлил еще – в стакан и три кружки, по чуть-чуть.

– Окосеете же, – неодобрительно предупредила Катя. – Погодите, я хоть на стол что-нибудь накрою.

Стол у нас был подоконник. Катя постелила на него газету, вскрыла найденную банку кильки, нарезала на блюде осклизлых огурцов, в морозилке подтаявшее сало обнаружила, накромсала его щедрыми кусками.

– Я не шутил, кстати, – сказал Димка, опять пьянея: лицо его быстро краснело, глаза соловели. – Что с Серегой-то делать будем? Ну как он встанет скоро?

– Ты совсем чокнулся, Демон, – буркнул я.

– А по-моему, это мир сошел с ума, – ухмыльнулся он. – Выбирайте: кол в сердце или обезглавливание?

– Прекрати, – поморщился Минтай. – Ты отвратителен.

– О! – Димка вскинулся и захлопал в ладоши. – Мистер Чистюля подал голос! А где ты был, Господин Белые Штаны, когда Семеныч пробовал на вкус ляжку нашего Сереги?! Напомнить?! Ты, Мистер Чистюля, прятался за моей спиной! И скулил там что-то, как обмочившийся кобелек!

– Перестань, – сказал я.

– Ты за него заступаешься? – вылупился на меня Димка. – Ты? После того?.. – Он пальцем показал на злую Катю. – В моей спальне... – Он звонко похлопал ладонью по сжатому кулаку, закатил глаза, мерзко щерясь.

Разъяренная Катя шагнула к нему. В левой руке у нее был нож, и я испугался не на шутку, дернулся было наперехват. Но Катя просто вlepила Димке пощечину – у того аж голова мотнулась.

Стало тихо. Все, замерев, испуганно таращились друг на друга, будто не понимая, что с ними происходит.

– О, – сказал Димка и потрогал горящую щеку. – Кажется, сболтнул лишнего. Извините. Забористый у Сереги самогон. Умел же покойник делать.

– Может, заткнешься уже? – предложил я ему.

Димка взглянул на меня, положил руку на сердце и, поклонившись, процитировал:

– Тебя я понял, умолкаю, не то по шее получу и подвиг свой не совершу.

– Мне кажется, вы заигрались, ребята, – сказал Минтай.

Я недоуменно на него посмотрел, переспросил:

– Чего?

– Я говорю, хватит уже. Вы вообще понимаете, что натворили? Зверски убили двух человек. Еще один только что из-за вас умер. И девчонки, скорей всего, тоже погибли. Я же говорил, что надо просто сидеть в квартире и ждать.

– Двух человек?! – хохотнул Димка. – А ты хорошо разглядел этих «человеков»? Ты рыла их видел? Или думаешь, они на нас бросались, потому что им целоваться хотелось?!

– Я просто говорю, что этого могло не случиться, если бы мы остались в квартире. А люди... Может, они просто больные?

– Ну да, – внезапно успокоился Димка. – Вирус из секретной лаборатории. Якобы случайная утечка материала. Зомби, мутанты, мародеры. Контейнер с вакциной у благородного героя... Старая песня.

– Они не больные, – сказал я. – Они... Другие... Измененные... Обратившиеся...

– Обращенные, – уточнил Димка и глотнул самогон прямо из бутылки. – Да какая к черту разница, как их называть? Для меня они зомби. И я не хочу, чтобы Серега стал таким.

– Он не станет, – неуверенно высказался я. – Он мертв.

– Вот пусть таким и остается, – сказал Димка и зачем-то распахнул оконные рамы.

Они открылись с треском. Холодный весенний воздух ворвался на кухню – чистый, вкусный, свежий. Мы вдохнули его и осознали, какой вонюю дышали здесь. Не знаю, как других, а меня замутило.

– Ты был отличным мужиком, Серега, – пробормотал Димка, отцепляя своего соседа от батареи, ворочая его, будто мебель. – Простым, понятным и предсказуемым. – Он, кряхтя, приподнял труп, подпихнул его коленом и взвалил на подоконник – прямо на закуску. Мы еще не понимали, что Димка собирается сделать, нам казалось, что он просто пытается поднять своего мертвого приятеля и усадить его ровно.

– Пока, Серый, – сказал Димка и рывком за ноги опрокинул тело.

Катя ойкнула, я рванулся вперед, Минтай вытаращил глаза.

Труп вывалился из окна и, кувыркаясь, полетел вниз.

* * *

Серегины собутыльники пришли к нам, когда я пытался убедить остальных, что мой план не столь самоубийственен, как им кажется. Обращенные, которых мы стали называть зомби, сначала лишь топтались перед заблокированной кухонной дверью, случайно ее задев, негромко ворча, сопя и похрюкивая. Звуки эти изрядно действовали на нервы: Катя аж тряслась вся, Минтай ежился, да и мы с Димкой порой замолкали на полуслове и напряженно вслушивались в происходящее по ту сторону двери, пытаясь угадать, сколько же там собралось чудищ – явно их там было несколько. Закрытый в туалете Павлик, должно быть, выбрался, пока

мы громили кухню. Но кто остальные? Может, и недобитый Славик выполз из-под ковра? – со рванными пастью и горлом, с ножом, торчащим в глазу...

Зомби чувствовали наше присутствие: то ли они слышали нас, хоть мы теперь старались громко не разговаривать, то ли ощущали тепло, то ли чуяли наш запах. Это потом я пришел к мысли, что они, возможно, просто знали, где мы прячемся, – все же какая-то соображалка у обращенных имелась, не зря многие из них вскоре научились выбираться из квартир.

На штурм зомби пошли минут через тридцать – мы к тому времени уже были готовы приоткрыть дверь, лишь бы увидеть, чем они там занимаются и почему так медлят. От мощных ударов с косяка посыпалась побелка – били не кулаком и не рукой, бились всем телом.

Димка, глядя на содрогающуюся дверь, поднял с пола «Осу». Патронов у него оставалось лишь на четыре выстрела. С оружием у нас вообще было туго. Я, планируя отступление на кухню, рассчитывал найти здесь некоторое количество острых железяк. И действительно, ножи здесь были, только вот в качестве оружия они не годились – тонкие железные лезвия гнулись, ими можно было резать, но не колоть. Лишь найденный под мойкой топорик пришелся очень ко двору – он не только для самообороны годился, с ним было гораздо проще исполнить мой замысел.

Я собирался из подручных материалов сделать лестницу в виде длинного бруса с несколькими перекладинами или петлями и большим прямоугольным крюком на верхнем конце. Я был уверен, что с помощью такого приспособления мы сможем спускаться с этажа на этаж до самой земли, каждый раз цепляя крюк самодельной лестницы за оконный проем. Материала, на мой взгляд, на кухне имелось предостаточно: полки, бруски оконной рамы, гардина, ножки стола и табуретов, плинтусы, две лыжные палки – все это я мог скрепить выдранными из пола гвоздями, шурупами, мебельными болтами, связать тряпками или проводами.

Димка, выслушав мое предложение, покачал головой и уважительно произнес:

– Да ты безумнее меня, дорогой друг.

Я улыбнулся ему.

* * *

Лестница была готова через два часа. Выглядела она неказисто, зато в прочности ее я не сомневался. Основной брус был собран из плинтусов, гардины и частей оконной рамы – сбит гвоздями, стянут проводами, обвязан полосами линолеума, а для пущей надежности еще и туго обмотан тюлевой занавеской. Перекладины мы решили не делать – брус получился толстый, прихвистистый; к тому же мы навязали на нем десяток петель, так что сползти вниз на три метра можно было и без дополнительных упоров. Лишь на конце мы смастерили крестовину, которая должна была удерживать лестницу на некотором расстоянии от стены. А вот крюков сделали два: один поменьше – основной – на его изготовление пошли стальные упоры от гардины; другой побольше, пошире – страховочный, на случай, если первый крюк соскользнет или сломается, – этот пришлось делать из дерева и мебельных уголков.

Все время, пока мы работали, в забаррикадированную дверь неистово ломились зомби – они словно чувствовали, что мы собираемся сбежать. И они совсем осатанели, когда мы, высадив остатки рамы, спустили лестницу и закрепили ее на проеме окна.

Димка забрался на подоконник, плюнул вниз и с интересом проследил за полетом слюны. Мы уже договорились, что он пойдет первый, – в нижней квартире могли прятаться зомби, а у Димки при себе имелось хоть и травматическое, но оружие. Спустившись к окну, он должен был без лишнего шума разбить стекло, влезть на чужую кухню, немедленно заблокировать дверь и распахнуть раму. После этого по лестнице должен был спускаться я. За мной – Катя. Последним – Минтай.

– Всем все ясно? – еще раз спросил я и, как Димка, заглянул вниз – там на клумбе среди мусора лежал похожий на раздавленного паука Серега. Голова у меня закружилась, сердце вдруг тяжело и гулко забухало, ноги ослабели – я отпрянул от окна. Путь к спасению, который секунду назад представлялся мне простым, логичным и единственным, теперь показался сомнительным и опасным.

– Вы как хотите, а я туда не полезу, – неожиданно заявила Катя. Два часа она молчала, сидя у разожженного на плите костерка, грея над огнем зябнувшие пальцы, а теперь, когда все было решено и готово, вдруг надумала высказаться. Меня так это возмутило, что я моментально забыл о своих сомнениях и страхе.

– Что значит – «не полезу»?

– То и значит. – Она отвернулась. – Не полезу и все. Здесь останусь.

– Действительно. – Разволновавшийся Минтай выступил на середину кухни. – Зачем нам рисковать? Давайте останемся здесь. Выждем. Помощь уже может быть на подходе.

– Ага, – хохотнул Димка. – Помощь уже рвется сюда и колотит в дверь, требуя впустить. Разве не слышите?

– Хватит ерничать! – почти завизжал Минтай. Я удивленно на него посмотрел – прежде наш начальник не позволял себе истерик.

– Мы не можем менять сейчас план, – сказал я.

– Почему? – Минтай живо повернулся в мою сторону. – Я только что придумал новый! Мы приоткроем дверь, защемим одного из этих и быстро утихомирим его топором. Потом так же поймает второго. Очистим квартиру и сможем спокойно здесь расположиться.

– Да как ты можешь, Юрьич?! – притворно удивился Димка. – Это же больные люди, а ты их топором рубить собрался, когда они к тебе целоваться полезут. Сам за топор-то возьмешься? Или нас заставишь черную работу делать?

– Мы же, кажется, обо всем уже договорились! – возмущенно завопил я. – Нам надо вниз! Здесь нельзя оставаться! И дверь открывать нельзя, даже на чуть – вдруг мы их не удержим?! Вниз – к машинам!

– И сразу за оружием, – напомнил Димка. – Пока остальные не расчихались, пока на улицах тихо.

– Да у вас детство в заднице взыграло! – Раскрасневшийся Минтай аж ногами затопал. – Что вы тут вообще раскомандовались? Возомнили! Напридумывали себе! Я ваш начальник, между прочим! Этого никто не отменял! Я старше! И я майор! Да я таких, как вы! Целую роту! Меня слушайте! Это приказ!..

Мы с Димкой переглянулись, надули щеки и фыркнули. Минтай кричал еще что-то, но мы его уже не слышали – мы давились хохотом. Катя смотрела на нас, как на полных придурков, а мы ничего не могли с собой поделать.

– Идиоты, – пробурчал, успокаиваясь, Минтай и махнул рукой – кажется, теперь он обиделся. – Ладно бы придумали что-то действительно дельное. А то назначили себя главными. С чего бы?

Димка, словив кураж, встал в позу, произнес, потрясая своей «Осой»:

– Хороший, плохой – неважно. Главное – у кого ружье!

Я хихикнул, понимая уже, что смех наш неуместный и нездоровый. Подумал, что хорошо бы сейчас отожраться и отоспаться, выключив на время мозги. А то ведь и свихнуться недолго от всего пережитого и увиденного.

– Если хотите, оставайтесь здесь, – неожиданно для самого себя решил я. – А мы пойдем вниз, как и планировали.

Минтай открыл было рот, чтобы возразить что-то. Мне было совершенно плевать на его мнение и на него самого. Он, кажется, понял это, почувствовал – и промолчал.

А вот бросать здесь Катю мне было очень непросто. И пусть она поступила со мной... нехорошо. Но все же, – сколько лет вместе, родными почти уже стали.

– Мы за вами вернемся, товарищ майор, – пообещал ухмыляющийся Димка, спуская ноги в восьмизатяжную пропасть и примеряясь к висящей на окне лестнице. – Оружие добудем и сразу приедем.

– Да, – приободрившись, подтвердил я. – Конечно же, вернемся. Обязательно...

И тут мы все услышали крик.

* * *

Как я и предполагал, дверь в Димкину квартиру осталась открытой, когда мы вчетвером ушли к Сереге-самогонщику смотреть на неведомую «чушку», занявшую его туалет. Оля и Таня не думали, что мы можем где-то задержаться. Они сидели на кухне и ждали нашего скорейшего возвращения: Оля отпаивала Таню водой; Таня тряслась и икала. Они слышали какие-то звуки то ли в прихожей, то ли на лестничной площадке, но ничуть не обеспокоились – девушки думали, что это мы там шумим. И даже когда в сумрачном коридоре завожилась какая-то фигура, они не испугались, решив, что это возвращается кто-то из нас.

Ввалившееся на кухню обгорелое и покалеченное страшилище перепугало их до полусмерти. Реакция Оли была вполне предсказуемой – она заверещала, зажмурилась и замахала перед собой руками. А вот Таня среагировала неожиданно – она вышла из ступора, в котором пребывала до этого момента, схватила наперевес тяжелый барный стул, выставила его перед собой, словно это был таран, и бросилась на зомби. Таня смогла вышвырнуть неуклюжее чудище в коридор, но этого ей показалось мало – она, продолжая напирать, каким-то чудом сумела оттеснить зомби к ванной комнате, втолкнуть его внутрь, захлопнуть дверь и подпереть ручку стулом.

Действовала она будто по наитию какому – Таня сама потом рассказывала, что в голове у нее было абсолютно пусто; она и вспомнила-то не сразу, что и как делала, а когда вспомнила, тогда и перепугалась до заикания и слабости в коленках.

Разобравшись с ужасным гостем, Таня выглянула на лестничную площадку и увидела тесную процессию поднимающихся по ступеням чудовищ – они толкались, цеплялись друг за друга, многие ползли на четвереньках. Несколько фигур маячили наверху – счастливое везение, что они прошли мимо квартиры, не заглянув в нее.

Заметив Таню, зомби зашевелились скорее, запыхтели, захрипели, вытягивая лица в жуткие рыла, щелкая огромными челюстями. Помедли девушка секунду, и тогда уже ничто не смогло бы спасти ни ее, ни Олю. Но железная дверь закрылась как раз вовремя. Глухо стукнув, встал на место сварной засов.

Таня, слабея от мысли, что теперь они в относительной безопасности, повернулась и увидела серую смутную фигуру, стоящую против нее в темном коридоре.

Таня закричала.

Серая фигура шагнула к ней, вытянув руки.

Это была Оля...

Потом потрясенные и тихие девушки долго сидели на кухне у окна, слушали несущиеся из ванной комнаты стуки. Перед Таней на столе лежала большая чугунная сковородка. Оля держала в руках нож. Они не следили за временем, они не строили каких-либо планов и не обсуждали наше исчезновение. Они слышали, как где-то бьется стекло и что-то трещит – звуки словно бы шли с улицы. Потом им стали чудиться далекие неразборчивые голоса – но девушки не поверили в их реальность. И только услышав смех, Таня и Оля встrepенулись, переглянулись:

– Ты тоже это слышишь?

- Да.
- Где-то за окном.
- И словно бы недалеко.

Они посмотрели во двор, но ничего не увидели. Они открыли форточку, потом распахнули окно настежь. Таня, держась за Олю, влезла на подоконник и высунулась наружу.

– Я вижу! – От высоты у нее кружилась голова.

– Что?

– Ноги... Там кто-то в окне. И он, кажется, собирается спускаться... Эй! Эй! Мы здесь!

Девчонки далеко высунулись в окно, рискуя свалиться вниз, и закричали, завопили так громко, как могли, привлекая к себе наше внимание.

* * *

План изменился, и я, честно сказать, был этому рад.

Димка быстро объяснил девушкам, где у него в кладовке лежит альпинистская веревка. Чуть дольше они искали в квартире катушку тонкого нейлонового шнура. И еще больше времени отняли попытки перекинуть его с окна на окно.

Между нами было, наверное, метров пятнадцать – сущий пустяк вроде бы. Но Оля уже из сил выбивалась, пробуя зашвырнуть к нам кружку с привязанным к ее ручке легким шнуром. И тогда ей на помощь пришла подруга. Таня не стала повторять Олиных ошибок и сразу же перешла с кухни на балкон. Это было верное решение, несмотря на то, что балкон от нашего окна находился дальше, – зато на нем можно было нормально встать, изготовиться для броски, не боясь потерять равновесие и свалиться. Вместо кружки к шнуру Таня привязала алюминиевую перекладину из одежного шкафа – и это тоже была правильная придумка: металлическая трубка, пущенная рукой на манер копья, летела точнее и дальше, нежели любой другой предмет. Нам даже не понадобилась вторая попытка: Димка сразу поймал пролетающую мимо окна перекладину и спрыгнул с окошка. За шнурок он перетянул на нашу сторону толстую веревку, привязал ее к трубе отопления каким-то хитрым узлом, подергал, потянул сильно, проверяя, надежно ли закрепили девчонки другой конец. И обернулся к нам:

– Ну что, граждане выживающие, готовы?

Я не был уверен, что готов, но кивнул, боясь передумать, – я еще не понял, что пугает меня сильнее: ползание по веревке или спуск с этажа на этаж с помощью моей «лестницы».

– Висим на согнутой ноге, – еще раз повторил инструктаж Димка, – и перебираем руками, подтягивая себя. Торопиться необязательно. Вспоминаем уроки физкультуры. Внимательно смотрим, как это сейчас буду делать я. И учимся.

Он помедлил, так и этак примеряясь к натянутой веревке, постучал по ней ладонью, повернулся к ней боком, потом спиной, потом опять боком – я начал подозревать, что Димка тоже до чертиков боится. Но тут он схватился за веревку обеими руками, подался вперед и вывалился из окна – так аквалангисты ныряют в море с борта лодки.

– Я никуда не полезу, – сказала Катя, увидев такой акробатический трюк.

Мне захотелось сказать то же самое – в заблокированную дверь кухни ломались зомби, но сейчас я не их боялся.

– Мы остаемся здесь ждать помощи, – заявил Минтай.

Я кивнул им обоим и, не чувствуя под собой ног, забрался на подоконник, чтобы поглядеть, куда там вывалился Димка.

Оказалось, что с ним все в порядке. Он полз по веревке к балкону своей квартиры – двигался не слишком изящно, зато вполне уверенно. Оля и Таня подбадривали его криками.

Я спустил ноги вниз и приготовился последовать за Димкой сразу, как только он ухватится за перила балкона.

* * *

Знаете, что самое страшное в нашествии зомби?

Ползти по пружинящей веревке, чувствуя оголившейся поясницей холод восьмиэтажной пропасти, обдирая руки, царапая бок о близкую стену; ползти – и сползать, ползти – и сползать, а потом зависнуть где-то в провисшей середине, думая, что отдыхаешь, а на самом деле теряя силы, тяжелея, коченея... И снова ползти, и опять сползать, уже не понимая, где верх, где низ, уже не за продвижение вперед борясь, а только за то, чтобы удержаться на месте...

Кажется, я где-то сказал, что пятнадцать метров – это пустяк?

Так вот: эти самые пятнадцать метров (или сколько их там было?) – вот что самое страшное в нашествии зомби.

По крайней мере, в тот день.

Во всяком случае, для меня.

* * *

Через ограждение балкона меня перетаскивали втроем – сам я мог только цепляться за что-то. Очухался, впрочем, я довольно быстро – и даже как-то пошутил над собой.

– Ты же вроде служил, – неодобрительно сказал мне Димка. – И чему вас только в армии учили? Завис, как сарделька на шампуре.

– Ты же вроде никогда в горах не был, – в тон ему ответил я. – Откуда у тебя такая веревка?

– Плохо ты меня знаешь, – ухмыльнулся польщенный Димка, разжигая под чайником таблетку сухого горючего. – У меня добра всякого навалом. Про «тревожный чемоданчик» слышал, наверное?

– Ну.

– А у меня целая «тревожная антресоль».

– К войне готовился?

– Нет. Необязательно.

– К апокалипсису?

– Вроде того.

– Чокнутый ты, Демон.

– Может, и так, но веревочка-то пригодилась!

Свободный конец «веревочки» мы уже сбросили с балкона вниз – как раз до земли хватило. Димка начал было про скалолазные хитрости рассказывать, но, видя в наших глазах непонимание и растерянность, махнул рукой – ползите, мол, как по школьному канату, только руки себе не сожгите и вниз старайтесь не глядеть. Девчонки неуверенно покивали – по канату на уроках физкультуры они ползали, но ведь тот куда толще был и намного короче.

– Вот вечно вы, девки, об одном и том же, – осклабился Димка. – Толще-короче – вам не угодить. Уж что есть, тем и пользуйтесь.

Я пихнул Димку локтем в бок – мне его неуместные шуточки осточертели. А он, не поняв причины моего недовольства, решил, что я его подгоняю, и засуетился: из кладовки рюкзак вытащил, с антресоли коробки какие-то снял, переоделся в мятый, пахнущий костром камуфляж, по карманам патроны для «Осы» распихал, на ремень тяжелый нож в чехле прицепил, какую-то бытовую химию с кухни на балкон перетаскал.

– Растворитель-то тебе зачем? – спросил я, разглядывая этикетки. – А жидкость для мойки окон?

– Будем зажигать! – хохотнул Димка.

Груда на балконе росла, хозяин все бегал по комнатам, собирая какие-то вещи и совсем забыв о нас. Мы пили горячий сладкий чай на кухне, наблюдали за тихим двором, несколько раз проверяли, надежно ли закрыта дверь в ванную, да периодически ходили в прихожую поглядеть в дверной глазок: толпятся ли на лестничной площадке зомби? Вдруг да ушли?

Но нет – не ушли.

– Откуда они вообще взялись? – прошептала Оля, отступая от двери и кутаясь в длинную вельветовую рубашу.

– Снизу поднялись, – сказал я, встав на освободившееся место. – Видишь, многие обгорели. Должно быть, это те самые, которых мы из окна видели. Услыхали, как мы в квартиры барабаним и перекликаемся, собрались кучей у подъезда, потом как-то сумели дверь открыть, ну и двинулись всей толпой на шум.

– А почему сейчас не уходят? Мы, вроде бы, не шумим больше.

– Так они же видели, что здесь кто-то спрятался. Вот и сторожат.

– Эй, вы где? – окликнул нас из глубины комнат Димка. – Собираться пора!

– Ну что, пойдем? – спросил я.

– Да, конечно, – согласилась Оля.

Мы улыбнулись друг другу и никуда не пошли. Мы стояли рядом, очень близко. Оля дрожала то ли от холода, то ли от страха, а мне хотелось приобнять ее, ободрить, согреть и защитить, но я стеснялся.

Она сама взяла меня за руку. Сказала тихонько:

– Я очень обрадовалась, когда опять вас увидела... – Она помолчала, а потом добавила совсем уж неслышно: – Особенно тебя...

Прошло столько лет, а я и сейчас помню свою реакцию на эти слова: я удивился и растрогался, меня в жар бросило, я крепко стиснул пальцы девушки, привлек ее к себе, обнял. Она смотрела на меня снизу вверх, и я видел, что она полностью мне доверяет и доверяется – как родному брату, или отцу, или верному надежному другу. Глядя в это открытое лицо и наивные глаза, я понял, что ее симпатия ко мне лишена всякой сексуальной подоплеки, что в ее неожиданном признании нет и намека на возможную близость или какие-то глубокие личные отношения. Сердце Оли было занято, для других мужчин в нем не оставалось места – Оля вся без остатка была верна своему инженеру. Это открытие обескуражило меня и немного расстроило.

– Эй, вы где пропали? – В прихожую заглянул Димка. Мы не слышали, как он подошел, да и он, кажется, не ожидал нас увидеть. Я отпустил Олю. Она смутилась. Димка выпучил глаза и укладкой показал мне кулак. Я было хотел объясниться, оправдать девушку, но понял, что любые мои слова прозвучат глупо и жалко, и промолчал.

– У меня там все готово, – обиженно проговорил Димка, отворачиваясь. – Мы с Татьяной ждем их, понимаешь ли. Зовем. А они тут... обжимаются...

В железную дверь заколотили зомби, загремели перилами лестницы – возможно, услышали голос Димки. Немедленно разбушевался и зомби, запертый в ванной комнате.

– Ну что, пойдем? – вновь спросил я.

– Да, конечно, – откликнулась Оля, широко улыбнулась и взяла меня под руку.

Мне показалось, что я слышу, как скрипит зубами Димка.

* * *

Таня стояла на балконе и задумчиво смотрела вниз. Она успела переодеться, сменив платье и пальто на мужской спортивный костюм – их у Димки, наверное, комплектов семь разных было. Отвисающий ворот девушка перевязала своим ярко-рыжим шифоновым шарфиком, мятые штанины подогнула и заправила в теплые полосатые носки, волосы убрала под серую вязаную шапочку, вместо туфель надела кроссовки, тоже из Димкиных запасов. В полумраке

ее можно было принять за беспризорного подростка-гопника, но на свету в любой другой день ее вид вызвал бы смех.

– Одевайся тоже, – велел Димка Оле и бросил перед ней грудку тряпья. – Если что-то не понравится или не подойдет, поищи в шкафах сама.

К моей одежде Димка придирается не стал – на мне были крепкие свободные джинсы, рубашка, свитерок и потертая кожаная куртка – вполне годное облачение для сражений с зомби. Он только протянул мне какую-то плоскую штуку, похожую на отломанную от игрушечного пистолета рукоятку:

– Бери.

– Это что?

– «Удар». Нечто среднее между газовым баллоном и газовым пистолетом. Пять выстрелов, спуск под большим пальцем. Ты же правша?

– Ну да.

– Вот и отлично. Целься в лицо или чуть ниже, к противнику не подходи, чтобы самому в облако газа не попасть. Метра три-четыре, наверное, оптимальная будет дистанция. Случится свободная минутка – потренируемся. Коробки с бамами возьми на столе, сколько унесешь.

– С чем коробки? – не расслышал я.

– Ну, с патронами. Они просроченные немного, но, думаю, вполне еще годные.

Я покрутил легкую плоскую штуковину в руках, сунул в карман куртки. Спросил, сомневаясь:

– Думаешь, на зомби подействует?

– А хрен его знает, – пожал плечами Димка. – Но вообще-то я его тебе дал не от зомби защищаться, а от людей. Мало ли что...

Вернулась Оля. Закружилась перед нами, мешковатый наряд руками оглаживая:

– Ну как?

– Нормально, – одобрил Димка.

– Хорошо, – оценил я.

– Дома я сразу же переоденусь, – пообещала нам Оля. – У меня отличный костюм есть, фирменный, я в нем на горных лыжах катаюсь.

Мы с Димкой переглянулись. Навещать Олин дом в наши планы не входило, и она, вроде бы, знала об этом. Мы собирались разведать обстановку, разжиться оружием и, если повезет, отыскать подмогу. Затем вернуться сюда, разобраться с зомби и вызволить Минтая с Катей из Серегиной квартиры. Что делать дальше, мы пока не решили, да и не очень-то об этом думали, – прежде надо было выяснить, что происходит в городе.

– Меня тоже отвезите домой, – тихо попросила Таня. – Пожалуйста.

Тут Димка разозлился – у него даже лицо побелело. Я знал, как он может сейчас отреагировать, потому наступил ему на ногу и шепнул тихонько:

– Не надо.

Мне подумалось, что мы, возможно, зря тянем девушек за собой. Не проще ли будет оставить их в квартире, а в город метнуться вдвоем? Я, оттащив сердитого Димку в комнату, поделился с ним этой мыслью. Он посмотрел на меня, как на полного идиота:

– Слушай, Брюс, – сказал он. – Ты что, никогда не читал «Правила поведения в фильмах ужасов»? Нам нельзя разделяться. Мы даже в туалет должны бы вчетвером ходить.

– Слушай, Демон. – Я согнутым указательным пальцем постучал его по лбу. – У тебя в черепушке все ли в порядке? Какие правила поведения? Какие фильмы? Мне уже начинает казаться, что Минтай прав и ты заигрался.

– Нельзя нам разделяться, – немного сменив тон, продолжал упрямыться Димка. – Четверо – это уже отряд. Восемь глаз, восемь рук. Если сумеем взломать магазин, в два раза быст-

рее с погрузкой управимся. А вдруг мы вернуться не сможем по какой-то причине? Это ты учиываешь? Вместе надо держаться!

– Ну не знаю, – по-прежнему сомневался я. – Давай у девчонок спросим, что они думают.

– Не надо у них ничего спрашивать, – зашипел на меня Димка, но я уже не слушал его и в голос звал девушек:

– Оля! Таня! А может, вы тут останетесь? Подождете в квартире нашего возвращения. А вниз мы вдвоем спустимся. Так безопаснее получится.

– Нет-нет! – Олю, кажется, такое предложение напугало. – Мы с вами пойдем.

– Нам сейчас надо вместе держаться, – сказала Таня.

– Вот видишь! – обрадовался Димка. – А я тебе что говорил!

Я лишь плечами пожал.

Обсуждать нам больше было нечего, пришла пора браться за дело. Мы вылезли на балкон, покричали, вызывая Минтая и Катю, объяснили им свои планы. Димка предупредил начальника, что думает взять его «Меган», – «Мазда» сейчас находилась на платной стоянке, а моя «десятка» была припаркована у гаражей за домом. Минтай pokrивился, но спорить не стал. Рассказал, что зомби на кухню уже не ломаются, но и не уходят – постукивают в дверь, царапают ее и даже вроде бы грызут. Пожаловался на холод – он был в пиджачке, Катя куталась в длинный кардиган, а за разбитым окном градусов пять было, не больше. Спасались они у костерка, разведенного на электрической плите, – дожигали стулья и стол, собирались вскрывать полы. Димка на словах посочувствовал, велел больше двигаться, но, кроме этого, ничего не предпринял, хотя, наверное, мог бы переправить в соседнюю квартиру тюк теплой одежды, спальный мешок или хотя бы синтепоновое одеяло. Но то ли ему время было жалко тратить на этих двух отщепенцев, то ли он таким вот способом наказывал их – не знаю. В любом случае, в беде мы их не оставляли, и безвыходным их положение называть было нельзя – они в любой момент могли перебраться в нашу квартиру по веревке или спуститься на этаж ниже с помощью моей лестницы. Так что страдали они исключительно из-за своего упрямства и по своей трусости.

Первым вниз мы отправили сложенный в бельевую корзину груз: туристический топорик, большой фонарь, пилу с набором полотен, флаконы бытовой химии, боеприпасы для «Осы» и «Удара», которые не поместились в наших с Димкой карманах, несколько ножей, в том числе здоровенное мачете, два пустых рюкзака, мешок и еще кое-какую мелочовку. Димка, обернув руку капроновым шнуром, понемногу его стравливал и медленно опускал корзину, не позволяя ей сильно раскачиваться и стараясь не задевать нижние балконы. Ударившись о землю, корзина опрокинулась. Димка тут же сбросил шнур вместе с катушкой и, повернувшись к девушкам, сказал:

– Вот примерно так Брюс и должен вас спускать.

В тот момент я подумал, что это шутка у него такая. А Димка уже лез через ограждение балкона, ловил ногами болтающуюся веревку.

– Канат на физкультуре действительно толще, – заметил он. – И куда короче.

Он скользнул по веревке вниз – мне показалось, что он сорвался. Я перегнулся через перила, думая, что увижу в грязи клумбы еще одно тело, похожее на раздавленного паука. Но Димка стоял на самом краешке балкона тремя метрами ниже и, ухмыляясь, любовался нашими испуганными лицами.

– Вот как-то так! – весело крикнул он и прыгнул на следующий этаж.

Мы договаривались, что он не станет сразу спускаться на землю, а остановится на балконе второго этажа и дождется нас – это была разумная предосторожность на случай, если рядом объявятся зомби. Но в какой-то момент мне показалось, что Димка обо всем забыл, и я, схватившись за веревку, заорал вниз, чтобы он прекратил валять дурака.

Ответом мне был звон – балкон второго этажа оказался застекленным. Димка пяткой расколотил стекло в одной из рам, открыл ее и забрался внутрь. Мы не могли его видеть, и

он минут семь ничем себя не выдавал. Мы уж всерьез начали волноваться, когда наконец-то услышали его вопли – Димка велел тащить веревку. Он, оказывается, успел поднять свободный конец к себе и сделал на нем две петли. И пока мы вытягивали веревку, он, словно забуддыга, орал на весь тихий двор, чтобы девчонки забыли об уроках физкультуры и канате, что они теперь могут поступить гораздо проще – всего лишь встать одной ногой в нижнюю петлю, ухватиться обеими руками за петлю верхнюю и, балансируя свободной конечностью, ждать, пока я, стравливая обернутую вокруг перил веревку, спущу их – сперва одну, за ней другую – точно Димке в объятия. А потом уж и сам как-нибудь сползу вниз.

Так мы и поступили, хотя лично мне уже хотелось послать Димку к черту и сделать все наперекор ему – я только не знал, как именно.

Таня и Оля спустились на второй этаж практически без приключений, хотя писку и визгу было изрядно. А вот мне повезло куда меньше: поравнявшись с балконом пятого этажа, я, и без того напуганный высотой, едва не попал в руки зомби. Я даже не понял, откуда он там взялся, успев заметить только жуткую морду с раскрытыми челюстями. Я практически выпустил веревку из рук и пролетел, наверное, метров пять, прежде чем сообразил, что падаю. Остановившись ценой ободранных до крови ладоней, ошавев, я глянул вверх. Увидел Минтая и Катю – они смотрели на меня, далеко высунувшись из окна, – должно быть, они за всеми нами так следили. Мне захотелось крикнуть им что-нибудь, но они тут же исчезли. Снизу что-то орал Димка, но я ни слова не понимал. А потом зомби, от которого я ускользнул, перегнулся через ограждение балкона, взялся за веревку и пристально на меня посмотрел. Я был уверен, что он собирается подтащить меня к себе – так поднимают ведро из колодца. Я сполз еще на два метра, не чувствуя боли в ладонях, не смея отводить взгляд от жутких глаз чудища. Едкая вонючая слюна капнула мне на щеку. Глядящий на меня зомби медленно перевалился через перила и, раскинув руки, полетел вниз.

Это чудо, что он не сумел в меня вцепиться, а только скользнул по плечу, царапнул куртку и едва не сорвал с моей ноги ботинок. Я слышал, как зомби шлепнулся, – звук был мерзкий. Изогнувшись, я посмотрел вниз – он лежал в метре от корзины с нашим барахлом.

Я не мог знать, убило его падение или просто оглушило, но мне почему-то казалось, что мы успеем проскочить мимо него прежде, чем он очухается – балкон второго этажа был совсем рядом, высунувшийся чуть ли не по пояс Димка бешено махал руками и орал, что пора мне из сосиски опять превратиться в человека.

Где-то чуть выше и правее со звоном вылетело стекло. Я дернулся, повернул голову на шум и увидел в разбитом окне еще одну жуткую морду. Этот зомби не мог меня достать, но он все равно ко мне тянулся – я видел, как острые стеклянные зубья, торчащие в раме, режут его голое, покрытое серой пылью тело. Потеряв равновесие, он вывалился из окна – я не стал смотреть, как и куда он падает.

Опасаясь, что из окна рядом появится еще кто-нибудь, я быстро пополз вниз, дико страдая от боли в обожженных и ободранных ладонях. Наконец-то подобравшись к остекленному балкону, я долго и безуспешно пытался влезть внутрь и не понимал, почему Димка, который, вроде бы, должен был мне помочь, отпихивает меня и раздраженно кричит. Лишь когда вставшая рядом Оля спокойно со мной заговорила, я понял, чего они от меня добиваются, – мне незачем было лезть на балкон, я должен был спускаться ниже – на землю.

Не вытерпев пытки болью, оглушенный адреналином, я отпустил веревку, когда до земли оставалось два метра. Упал тяжело и неловко, завалился набок и не сразу сумел встать. Оля уже спускалась, когда я поднялся на ноги, и она замечательно обошлась без моей помощи.

– Вещи собирай! – орал на меня Димка. – Не теряй время!

Я горящими пальцами наскреб с просевшего сугробика горсть грязного снега, растер им лицо. Это чуть привело меня в чувство.

Снизу все выглядело совсем не так, как с высоты. Мертвого Серегу было почти не найти – он практически утонул в клумбе. Выпавший из окна зомби лежал много дальше, чем я ожидал, а его сородич, свалившийся с балкона, был похож на обычного пьянчугу, уснувшего в грязи лицом вниз.

Оля подняла корзину, поставила ее ровно, начала собирать рассыпавшиеся вещи. Я устыдился и бросился ей помогать, хотя, наверное, прежде мне надо было помочь спускающейся Тане. Димка наконец-то замолчал. Зато начали орать наверх.

Я отступил к тротуару, задрал голову.

Минтая и Катю было едва видно.

Я сделал еще три шага назад.

Они размахивали руками. Куда-то, кажется, показывали, а может, просто пытались привлечь наше внимание. И непрерывно нестройно кричали при этом.

«Идут... – разобрал я. – К вам идут...»

Я обернулся: направо посмотрел, налево. Просторный двор был пуст. Только на детской площадке здоровенный рыжий кот, задрав хвост, метил опору качелей да скакали по веткам березы воробьи.

Кажется, именно тогда, глядя на эту березу и этих воробьев, я впервые подумал, что неплохо бы убраться как можно дальше от города – в деревню.

– Чего они там орут? – Спустившийся с балкона Димка встал рядом со мной.

– Кто-то идет к нам, – сказал я, тут же забыв о деревне.

Димка хмыкнул, пожал плечами – он тоже не видел ничего опасного. Велел забрать у девчонок вещи и нести их к «Мегану», выбитому из строя припаркованных машин красным «Кашкаем». Сам вызвался «прикрывать» – в правой руке Димка держал тупорылую «Осу», в левой – мачете. Он был похож на пирата – я сообщил ему об этом. Но Димка, оглядывая пустой и тихий двор, заваленный нанесенным от баков мусором, на мое замечание не отреагировал, пробормотал только, что у него ощущение, будто мы не три дня праздновали, а все двадцать восемь.

Минтай и Катя перестали кричать – эхо какие-то мгновения еще металось между высотными зданиями. Мы все одновременно посмотрели наверх – в высаженном окне никого не было.

– Ну, вроде бы все в порядке, – сказал Димка, и вот тут я заметил тех, о ком нас предупреждали Катя и Минтай.

Десятка два обращенных неорганизованной рыхлой толпой вывалились на открытое пространство двора со стороны проспекта. Увидеть их раньше нам не позволила полоса плотных насаждений, защищавшая двор от шума и грязи близкой дороги.

Коротко взвизгнула Оля. Я решил, что она тоже заметила страшную толпу, ковыляющую к нам. Но нет: Оля даже не смотрела в том направлении. Она глядела на свалившегося с балкона зомби – тот скреб руками грязь, дергал головой и, кажется, собирался встать.

А поодаль шевелился и другой – тот, что выпал из окна.

Я подскочил к корзине с вещами, выдернул из нее топорик и, коротко размахнувшись, ткнул ворочающегося зомби обухом по затылку. Ощущение было, словно я по березовому чурбаку ударил.

– Бежим! – Я толкнул девчонок.

Дверь подъезда приоткрылась, из темноты на свет высунулась отвратительная обгоревшая рожа. Я запулил в нее обломком кирпича, но промазал.

За моей спиной взвыла сигнализация – это Димка зачем-то вскочил на капот припаркованной «Тойоты», прыгнул ей на крышу. И я вдруг увидел, что внутри этого автомобиля ворочается кто-то, бьется в тонированное стекло, шлепает по нему ладонями, оставляя грязные отпечатки.

До «Мегана», стоящего у соседнего подъезда, мы долетели в четыре секунды – я так с университетских времен не бегал. Димка разблокировал двери, нажав кнопку брелка. Я тут же швырнул корзину с барахлом на заднее сиденье – возиться с багажником было некогда. Помог девчонкам забраться внутрь. Обежав машину, прыгнул на пассажирское место, успев заметить, что из разбитого окна завывающей «Тойоты», извиваясь, ползет наружу зомби.

Димка уже сидел за рулем.

Я захлопнул дверь.

Димка посмотрел на меня. Глаза у него были какие-то ненормальные.

– Как в кино, – пробормотал он.

– Что? – Я повернулся к девчонкам – у них, вроде бы, все было в порядке.

Зомби быстро к нам приближались – и те, что пришли с проспекта, и те, что один за одним вываливались из подъезда. Мы еще могли проскочить мимо бредущих к нам фигур, но Димка почему-то медлил. Он сидел, как истукан, и тупо пялился в лобовое стекло. Я толкнул его:

– Эй, шеф, чего стоим? Плачу два счетчика! – Эту дурацкую шутку должен был произнести он, а не я.

– Как в кино, – повторил Димка и посмотрел на меня. Рот его страшно подергивался – я не сразу понял, что Димка так улыбается.

– Точно как в кино, – еще раз повторил он. – Машина не заводится.

Он повернул ключ.

Ничего не произошло.

* * *

Я чувствую, что должен выдержать здесь паузу. Вы должны вообразить тот нарастающий ужас, ту безнадежность и то отчаяние, что пережили мы, запертые в железной коробке со стеклянными окнами. Мы видели, как приближаются к нам обращенные монстры – мы каждого из них успели хорошо рассмотреть: и обгоревшую старуху с вплавившимися в лицо пластмассовыми очками, и толстяка, волочащего за собой дохлую овчарку на кожаном поводке, и девушку, яростно жующую и рвущую с головы собственные волосы, и запутавшегося в тонкой проволоке, с ног до головы изрезанного, иссеченного подростка – их одежда превратилась в спадающие лохмотья, их тела покрывала грязь.

Мы упустили момент, когда еще можно было сбежать из машины. То ли мы надеялись, что в последний момент автомобиль оживет, как это всегда бывает в кино. То ли просто растерялись – уже не помню.

Зомби окружили машину, их становилось больше и больше. Они давно расправились бы с нами, если бы не тонированные стекла «Мегана» – зомби просто не видели, что происходит в салоне.

Димка больше не пытался завести двигатель. Он сполз по сиденью едва ли не на пол и целился «Осой» то в одну жуткую харю, прижимающуюся к стеклу, то в другую. Я боялся, что его нервы не выдержат и он спустит курок до того, как зомби начнут бить окна, чтобы выковырнуть нас, словно улиток из раковины. Ни на какое оружие я не надеялся – имейся даже у нас автомат, мы вряд ли бы что смогли сделать против нескольких десятков невероятно живучих тварей. Я видел лишь одну возможность спастись: сидеть тихо, ничем себя не выдавать, чтобы зомби, забыв о нашем существовании, разбрелись по округе и позволили нам покинуть автомобиль. Остальные, кажется, считали так же. Даже девчонки, съезжившиеся от страха на заднем диване, не издали ни единого писка, хотя машина порой сильно покачивалась от шлепков и толчков.

Мы таились, наверное, целый час и уже начинали верить, что зомби в конце концов уйдут от автомобиля, когда один из них – я хорошо помню его рябое, будто бы гниющее рыло – поднял с земли обломок кирпича и ударил им в водительское окно.

Он не разбил его с первого удара. И вторая попытка получилась не лучше. А вот третий удар выбил в окне круглую дыру. Рябой урод, бросив кирпич, сунул в нее пальцы и принялся рвать крошащееся стекло и тонировочную пленку.

Димка поднял «Осу» двумя руками и дважды выстрелил в гниющую рожу, лишив ее, как минимум, одного глаза.

Трущиеся у машины зомби моментально взъярились. «Меган» ходуном заходил от обрушившихся на него ударов. Лопнуло, будто взорвалось, заднее стекло, забрызгало девчонок осколками. Улетело под машину оторванное зеркало. Хрустнула фара.

И я увидел, как, расталкивая плотную толпу, к капоту выходит бородатый амбал в куртке-«косухе», кожаных штанах и ботинках-«берцах». В правой руке он держал мотоциклетный шлем, в котором – я не сразу это рассмотрел – застряла человеческая голова. Этим жутким шлемом бородач с размаху ударил в лобовое стекло.

Оно покрылось сетью мелких трещин и промялось.

Димка куда-то зачем-то выстрелил из своей бестолковой «Осы», а я крепко сжал обрезиненную рукоять топорика и приготовился рубить все, что сунется в салон автомобиля.

Если бы у меня был тогда автомат... Знаете, что бы я сделал? Я бы пихнул ствол себе в рот и большим пальцем нажал бы спусковой крючок.

Но прежде, вполне возможно, расстрелял бы всех, кто был со мной в машине, – думаю, они сами бы меня об этом попросили.

Автомобили, автомобили...

Должно быть, вам интересно, как мы спаслись. А мы спаслись, это понятно – иначе я не рассказывал бы эту историю...

Помните «Логан»? Тот, что въехал в двери недавно открытого магазина «Еда»? Он заглох, расколов стекла и погнув алюминиевые рамы, но он не застрял. У него отвалился бампер, помялся капот, повредились подвеска и потек радиатор. Но он был еще на ходу. И его можно было завести – ключ зажигания остался в замке.

Так вот: когда бородатый амбал вынес нам лобовое стекло, этот самый «Логан» врезался в толпу зомби. В тесном дворе водителю удалось разогнать машину до восьмидесяти километров в час – и этого оказалось достаточно, чтобы зомби разлетелись, как кегли. Не все, конечно. «Логан» атаковал край толпы, выбив лишь нескольких чудищ. Проскочив дальше, он притормозил и быстро развернулся. Стрекоча работающим на повышенных оборотах мотором, опять набрал скорость и вновь помятым своим носом стесал край толпы – два чудища улетели метров на десять вперед, двое перекатались через машину, один угодил под колеса.

В шестой заход «Логан» пронесся в считанных сантиметрах от нашего «Мегана», буквально оторвав от него амбала в «косухе» – волосатая рука повисла на двери; мне бросилась в глаза четкая, будто принтером напечатанная татуировка на оголившемся предплечье: «Я умер? Возьмите мои органы».

«Логан» притормозил метрах в пятидесяти от нас, развернулся, встал. Из машины, распахнув дверь, высунулся мужчина и заорал:

– Сюда, гниды! Сюда!

Я моментально узнал кричащего и почему-то решил, что он зовет нас, – в принципе, у него были причины так нас называть. И только увидев, как уцелевшие зомби поворачиваются в его сторону, сообразил, что к ним-то он и обращается.

– Минтай! – вылезший из-под руля Димка не поверил своим глазам. – Чертов Юрьич! Откуда?! Как?!

Да, столь кстати подоспевшим «Логаном» управлял наш занудный начальник – Михаил Юрьевич Канарин, офицер запаса, майор. Рядом с ним сидела его девушка Катя – совсем недавно и так давно бывшая моей девушкой.

– Шевелитесь, шевелитесь, уроды! – Минтай продолжал выманивать зомби на себя, не забывая поглядывать по сторонам. Мы уже разгадали его нехитрый план и готовились покинуть машину, понимая, что сделать это нужно будет за считанные мгновения.

Мы немного ошиблись – план Минтая оказался чуточку хитрей, чем нам думалось.

Сорвавшийся с места «Логан» последовательно сбил трех ковыляющих к нему зомби и плотно притерся к боку нашего «Мегана». Нам не пришлось открывать двери, чтобы перебраться из одного автомобиля в другой. Из салона в салон мы переползли через оказавшиеся рядом окна. Опомнившиеся зомби так и рвались к нам, грызли железо, пытались втиснуться в узкую щель между бортами автомобилей – но тщетно, дотянуться до нас они не могли. Димка даже успел забросать в «Логан» кое-что из своего имущества, собранного в бельевой корзине. Сам он покинул салон, лишь когда подоспевшие чудища со всех сторон полезли в разбитые окна, ворочая корявыми руками, щелкая сопливыми челюстями. Димка нырнул в окошко головой вперед, мы ухватили его за руки, за шиворот, за волосы и быстро затащили к себе – какой-то шустрый щуплый зомби все же успел цапнуть подошву Димкиного ботинка, оставив на каблуке глубокую отметину.

Минтай тут же дал газу, и «Логан», громяхая побитой подвеской, заскакал, запрыгал по неровностям дороги.

– Не туда! – завопили мы с Димкой одновременно, угадав намерения Минтая и вовремя вспомнив, что проспект плотно забит автомобилями. – К гаражам давай! В объезд! На заднюю дорогу!

Взвизгнули тормоза – нас бросило вперед. «Логан» встал в сорока метрах от осажденного чудовищами «Мегана»: я видел, как проникшие в салон зомби терзают обивку сидений, хранящую, должно быть, наши тепло и запах; видел, как ворочается на земле, пробуя подняться, однорукий бородатый амбал в кожаных штанах и ботинках-«берцах»; видел, как обгоревшая старуха с вплавившимися в лицо очками тащит из грязи истерзанное тело самогонщика Сереги, отмахиваясь от других обращенных, рвущих у нее добычу. Я видел, как из окон дома напротив вываливаются зомби, как встают они и бредут в нашу сторону...

Минтай повернулся к нам. Каждому в глаза посмотрел. Сказал веско, чеканно:

– Я вас спас. Я за рулем. Я все решаю. Я главный теперь.

Справа поднялся с земли зомби, шлепнул грязной ладонью по тонированному стеклу, захрипел, ноздри широко раздувая, острый серый язык из пасти вывалив.

– О'кей, начальник, – прошептал Димка, косясь на вставшее у окна страшилище. – Будь по-твоему. Только скорее увези нас отсюда.

Минтай внимательно на него посмотрел, словно пытался понять, не издевается ли сейчас Димка. Кивнул, довольно ухмыльнулся и сказал:

– Показывай дорогу.

– А куда мы едем? – все так же шепотом поинтересовался Димка.

– Ко мне домой, – ответил Минтай.

* * *

Мы никогда не были у начальника дома. Знали только, что живет он в местечке Ухарово, где покосившиеся избы соседствовали с новостроенными дворцами, особняками и коттеджами. Дом у Минтая был простой – мы видели его на фотографиях: небольшой двухэтажный каркасник с претензией на английский стиль. Минтай хвалился, что взял его за бесценку, потому что там будто бы кто-то нехорошо умер: то ли застрелился, то ли повесился. Минтая недобрая слава дома не пугала, он говорил, что весь мир – это одно большое кладбище, что здесь каждый клочок земли полит человеческой кровью и что в наших краях, куда ни ступи, окажешься на месте, где кто-нибудь когда-нибудь нехорошо помирал.

Теперь, после всего пережитого, я часто вспоминаю эти его слова.

* * *

«Логан» сдох сразу, как только мы свернули за угол дома – дернулся несколько раз, заглох и уже не заводился. Диагноз был ясен: остатки охлаждающей жидкости вытекли, двигатель перегрелся, поршневая развалилась. Примерно сотню метров машина прошла накатом – Минтай только подруливал, не трогая педаль тормоза. Остановился «Логан» в неглубокой грязи среди бетонных гаражей, но сумел выбраться из нее на стартере, и даже прополз еще метров тридцать, прежде чем умер окончательно, напустив в салон вонючего дыма.

Мы бросили автомобиль, испытывая странные чувства, – побитый, помятый «Логан» представлялся живым существом, выручившим нас из беды и надорвавшимся при этом. Мы уходили, оглядываясь на него. Спешили, не зная, удалось ли нам оторваться от зомби или же они продолжают преследование. Здесь, в гаражном массиве, похожем на лабиринт, спрятаться было негде: кругом только бетонные стены и ряды закрытых, запертых на всякие замки ворот.

Но впереди на небольшой площадке рядом с эстакадой и в пятнадцати метрах от вагончика шиномонтажа стояла моя «десятка». Я всегда парковал ее здесь, когда приезжал к Димке в гости.

– Девчонки, сядете назад. – Я издалека выключил сигнализацию, разблокировал двери. – Демон, ты тоже.

– Почему? – возмутился Димка.

– Ты хуже.

В салоне «десятки» было не так просторно, как в «Логане», хотя машины, вроде бы, не слишком отличались габаритами. Тем не менее, разместились мы без особых проблем. За руль, естественно, сел я, предварительно свалив принесенное барахло в багажник. И Димка тут же съехидничал, похлопав Минтая за плечу:

– А власть-то сменилась!

Я завел машину, повернулся:

– Как вы?

– Будто в раю, – зажатый девушками Димка оскалил зубы.

– Отправляемся за «Маздой», – сказал я, прикидывая в уме маршрут.

– Все идет по плану, дорогой друг, – подмигнул мне Димка.

– Мы же, вроде бы, решили, – заволновался Минтай. – Едем ко мне домой!

– Сперва оружие!

– Но я думал...

– Индюк тоже думал. Берем «Мазду» и сразу рвем к «Тополю», в охотничий магазин.

– Нам прятаться надо, а не воевать!..

Я подождал еще немного, давая двигателю возможность прогреться, а пассажирам проговориться. Объявил для всех:

– Кто за рулем, тот и решает, – и тронул машину с места.

Уже через три минуты мы выехали из бетонного лабиринта на асфальт и покатали на северо-запад, огибая многоэтажки справа. Я ориентировался на издалека заметную водонапорную башню – она стояла на границе частного сектора, как раз там, где возле заправки «Люкс-Ойл» находилась охраняемая стоянка, принадлежащая армянину Эдику – я никогда его не видел, но Димка рассказывал про него много забавного.

* * *

Основательные ворота стоянки, сваренные из стальных труб, железных листов и проволоочной сетки, оказались запертыми. Я подергал тяжелую цепь, замкнутую двумя навесными замками, и, повернувшись к машине, беспомощно развел руки – без ключей, кувалды или «болгарки» въезд не открыть. В принципе, можно было попробовать дернуть цепь машиной, – но только, чур, не моей.

– Ну чего? – спросил Димка, когда я вернулся за руль.

– Тихо там, – ответил я. – Охранник то ли сбежал, то ли спит, то ли... Ну, понимаешь.

– Сбежать не должен, – неуверенно возразил Димка. – Эдик их тут в ежовых рукавицах держит. Да и спать ему не положено.

– Поехали, наконец, ко мне, – опять заканючил Минтай. Мы сделали вид, что не слышим его.

– Что делать, придумал? – спросил Димка.

– Переберемся на ту сторону. Заведем твою «Мазду». Прицепим трос к замку и попробуем его сорвать.

– Получится?

– Не знаю. Замки здоровые. Нам бы грузовичок какой. И трос помощнее.

– У Эдика здесь «Эксплорер» обычно стоит, вон за той фурой. А ключи хранятся в будке, у охраны. Можно попробовать им ворота дернуть. Или забор проломить.

Я с сомнением оглядел бетонные плиты, выстроившиеся по периметру стоянки. С ними, пожалуй, только танк справился бы или грейдер какой-нибудь.

– Сдалась вам эта «Мазда», – пробурчал Минтай. – Целый город брошенных машин, выбирай любую.

– Вообще-то у меня там оборудования разного как раз в цену твоего ломучего «Мегана», – вскинулся Димка.

– Он не ломучий. Его «Кашкай» ударил, все же видели.

– Ага, видели. Я кулаком сильнее бы стукнул, чем тот «Кашкай».

– Хватит вам, – сказал я. – Ваши машины моей в подметки не годятся.

Сидящая за мной Катя хихикнула, Димка фыркнул, Минтай пожал плечами и опять заныл, что мы только время зря теряем, что нечего тут делать, что надо, пока есть возможность, гнать к нему домой. Робеющая Оля тихонько спросила, не получится ли все же как-нибудь проведать ее родителей: хотя бы проехать рядом, посигналить, покричать, не выходя из автомобиля. Таня тоже попыталась что-то сказать, но всхлипнула, закрылась руками и заревела.

Я очень сочувствовал девчонкам. Но выносить этот бедлам уже не мог и потому рявкнул:

– Заткнитесь все!

Удивительно: меня послушались. Наконец-то стало тихо, только Таня хлюпала носом. Я, наверное, минуты две сидел с закрытыми глазами, наслаждаясь покоем, крепко вцепившись в руль, стараясь ни о чем не думать – и никто не решился меня потревожить. Потом я включил первую передачу и подогнал машину вплотную к воротам, подпер их бампером.

– На стоянку идем все вместе, – сказал я и, выдернув ключ из замка зажигания, распахнул дверь.

Нет, я не следовал «правилам поведения в фильмах ужасов», о которых упоминал Димка. Просто стоянка, окруженная сплошным бетонным забором с тремя рядами колючей проволоки поверху, с помостом и будкой охраны, вознесенными на добрых четыре метра, с баграми и топорами на пожарном щите, с воротами на цепи – она выглядела, как настоящая крепость. Вряд ли в округе имелось лучшее убежище. Надо было лишь удостовериться, что внутри периметра нет зомби.

– Демон, прикрой меня, – сказал я и пошел доставать из багажника толстый промасленный ватник и кусок брезента. Я накинул их на верхнюю балку ворот, обмотанную колючей проволокой. И когда я уже перелезал с капота своей «десятки» на закрытую территорию, мне почудился звук: будто где-то скрипнуло что-то – то ли дверные петли несмазанные, то ли пружина ржавая. Не слишком этим обеспокоившись, я спрыгнул на землю. И вдруг осознал, что забраться назад будет не так просто.

Сразу стало жутковато. А тут еще краем глаза я уловил неясное движение на высоком помосте. Я резко повернулся и увидел сутулую фигуру, вставшую за пирамидами покрышек. Мне четко представилось, что сейчас произойдет, – я будто короткое кино просмотрел: этот зомби, роняя покрышки, подходит к краю помоста, переваливается через низкие перильца и падает вниз; я долго срываю топор с пожарного стенда, потом бегу к поднимающемуся чудищу и понимаю, что ничего не успею и не смогу сделать; а из вагончика охраны выбираются другие зомби, и они, так же раскидывая покрышки, подступают к краю и валятся вниз; припаркованные автомобили начинают раскачиваться, их стекла лопаются, крошатся, и новые обращенные ползут через окна наружу – ко мне; а я тут уже один, потому что товарищи мои бегут прочь, и правильно делают...

– Вон япошка моя, – соскочив ко мне, ласково проговорил Димка и брелком показал на черную «Мазду» в агрессивном обвесе, стоящую за крохотной «Микрой».

Минтай, закусив губу, помогал перелезть через ворота Кате и свирепо на меня поглядывал. Оля и Таня жались к «десятке», ждали своей очереди – чувствовалось, что им неуютно оставаться вдвоем на открытом месте. И никто не замечал зловещую фигуру на помосте.

Я, что-то крикнув товарищам, бросился к пожарному щиту, схватился за топор. Предвидения мои начали оправдываться: длинное топорщице оказалось намертво примотано проволокой к выкрашенным в красное доскам; я вцепился в багор – та же история!

Я выругался, пугаясь до помрачения.

Димка, как ни в чем не бывало, шел к своей машине. Катя обкусывала сломанный ноготь. Минтай, дрыгая ногами, висел на воротах. Таня лезла на капот «десятки».

– Оставь инвентарь! – услышал я окрик.

Багор начал поддаваться. Я тянул его, и дергал, и крутил. Ругал себя, что полез на стоянку безоружным.

– Оставь инвентарь, говорю!

Я все же выворотил багор, повернулся с ним, чувствуя, что время упущено. Увидел подбравшегося Димку с «Осой» в руке и Минтая, поднимающего с земли камень, заметил, что Оля передает Тане через ворота туристический топорик, – наконец-то они обнаружили опасность!

Но стоящий наверху зомби не спешил атаковать. Он подошел к самому краю помоста. Он тянулся к нам, но не падал. И теперь я мог разглядеть его лицо – вполне обычное, не страшное, можно сказать, человеческое.

– Зачем ломаешь инвентарь?!

Я увидел, что существо открывает рот, но не сразу понял, что оно разговаривает и обращается ко мне, – у меня смещение какое-то в мозгу произошло, я очевидные вещи связать не мог.

– Не для тебя он тут повешен, – сипло заявил «зомби» и, багровея лицом, закашлялся долго и нутужно, с хрипами, с клетотом – так кашлял мой отец, умиравший от рака.

* * *

Охранника звали Карпом. Это рыбье имя хорошо мне запомнилось – любое другое я, наверное, давно бы забыл. Он и лицом был на карпа похож: круглые глаза навывкате, толстые губы, усики. Столько лет с той встречи прошло, а я так хорошо его помню, что готов портрет нарисовать...

Мы сидели в тесном и теплом вагончике, пили обжигающий сладкий чай с печеньем и слушали неспешные речи Карпа. Наконец-то мы могли расслабиться. Здесь – на чужой территории, окруженной двухметровым забором, в избушке, поднятой на четырехметровую высоту, – мы чувствовали себя в безопасности. В крохотном прокуренном помещении нам было комфортнее, чем в огромной Димкиной квартире – наверное, потому, что на переносной газовой плите уже во второй раз закипал чайник, а в спальном углу за перегородкой светила питаемая автомобильным аккумулятором лампочка, и тихонько мурлыкал древний кассетный магнитофон «Романтика», а под столом бродил и терся о наши ноги пушистый черный кот Мурзик. В металлическом шкафчике желтели стопки лапши быстрого приготовления, блестя банки тушенки и консервированных сосисок. На окне висела вобла, за оконной рамой остужалось пиво. В холодном тамбуре стояли канистры с водой, запасной газовый баллон и четыре заряженных аккумулятора. Имелись здесь даже небольшой телевизор и приставка «Денди» с дюжиной картриджей, среди которых были «танчики» и какая-то «Нация зомби» – это хозяйство вполне можно было подключить через китайский инвертор, валяющийся на полу.

Я видел, с каким интересом осматривается здесь Димка, и догадывался, что он думает о том же, что и я: на этой стоянке можно задержаться.

Карп с хлопанием тянул чай из эмалированной кружки и неспешно рассказывал о том, как охромел. Почувствовав наконец, что мы его почти не слушаем, он замолчал.

– А вы не пробовали судиться с фабрикой? – участливо спросила Оля.

Карп покачал головой:

– Это теперь неважно... Вы скажите лучше, что там в городе. – Он рукавом вытер со лба испарину, слабо махнул рукой:

– А впрочем нет, не надо... Не хочу знать... Посмотрите лучше, какую трость подарил мне Эдик. У меня же завтра день рождения, я разве не говорил вам? Юбилей!

– Город словно вымер, – сказал Димка. – Некоторые люди превратились в чудовищ. Вам известно, что произошло?

– Некоторые? – Карп опять заулыбался. – Люди всегда были чудовищами... Нет-нет, не хочу об этом. – Он замахал руками. – Лучше давайте я поделюсь секретом засолки огурчиков. Хитрость в том, чтобы добавить горчицу и...

– Они нападали на нас, – резко продолжил Димка. – Мы едва не погибли. Что вам обо всем этом известно?

Карп опять замолчал. Отвернулся, в окно глядя, хмурясь, губы рукавом вытирая. Буркнул:

– Я знаю то же, что и вы... То, что говорили по телевизору.

– Мы не включали телевизор последние несколько дней, – сказал я. – Мы не понимаем, что происходит. Расскажите нам... Пожалуйста...

Карп не отвечал очень долго. А мы смотрели на него и ждали, понимая, что, кроме этого человека, возможно, никто никогда ничего нам не объяснит, не подскажет. Нам нужна была информация – больше, чем любое оружие.

– То, что говорили по телевизору, – это все неправда, все ложь, – наконец заговорил Карп и покосился на нас, будто ожидая какой-то реакции.

Мы не шевелились, молчали.

– Это демоны... – увереннее продолжил Карп и вновь оглядел нас – не смеемся ли мы над ним, не перемигиваемся ли, не крутим ли пальцами у висков. – Демоны пришли за нами и овладели теми, кто был слаб душой и грешен. Теперь легионы пожрут одиноких праведников. И не будет никакой обещанной великой битвы. Потому что битва давно уже была: мы ее проиграли и не заметили этого.

Карп перекрестился дрожащей рукой – но сделал это неправильно: сперва левое плечо тронул щепотью, потом правое; вряд ли он был католик.

– По-твоему выходит, что те, кто не обратился – праведники? – тихо сказал Димка. – То есть мы здесь – безгрешные, что ли? – Он хмыкнул.

– Нет-нет-нет! – хмурясь, замотал головой Карп. – Среди нас нет праведных. Мы праведных будем есть, грызть их будем, потрошить и выть по-звериному. Мы – Легион. Мы – проклятые.

Сидящий на скрипучей койке Димка заерзал, будто ему мешало что-то; чуть приподнявшись, он поправил одежду. Все посмотрели в его сторону, но один я догадался, в чем дело, – Димка открыл кобуру «Осы».

– Я понял, – заявил он, нехорошо усмехаясь. – Сейчас ты оскалишься и прыгнешь на потолок.

– Вы не верите, – пожал плечами Карп, отворачиваясь. – Я надеялся, что вы поймете или хотя бы задумаетесь. Но ваша икона – телевизор. Только она больше не работает. Все кончилось. И уже все не имеет значения.

– Так что говорили по телевизору? – спросил я. – Это вирус? Эпидемия, да?

– Мне нужно идти, – сказал Карп, поднимаясь. – Я должен... Я чувствую это...

– Что именно? – насторожился Димка. – Куда идти?

– Обойти надо... Посмотреть... – Карп медленно продвигался к двери, опираясь на трость. – Проверить все... Тут же чужие машины. А я за них отвечаю. Мне перед Эдиком неудобно будет, если что-то случится.

– А что, Эдик придет? – спросил Димка.

Карп остановился перед дверью тамбура, убавил огонь под стоящим на конфорке кирпичом. Медленно повернулся к нам, покачал головой.

– Нет. Не придет.

Он перешагнул порог – черный кот тут же метнулся вслед за хозяином.

– Он уже приходил, – тихо сказал Карп и прикрыл за собой дверь.

* * *

Пока странный сторож, напоминающий рыбу, хромал по своим владениям, мы наконец-то смогли выяснить, какое счастливое стечение обстоятельств переместило Минтай и Катю из осажденной чудовищами кухни в стоящий восьмью этажами ниже «Логан». Как я и предполагал, причиной стали зомби – они все же сумели разломать забаррикадированную дверь, и влюбленной парочке пришлось спешно покидать кухню. Лезть по веревке они не решились, помня мои на ней корчи. К тому же окно внизу находилось ближе, чем окно в стороне, так что Минтай с Катей решили спускаться по той штуковине, которую я самонадеянно именовал лестницей. С ее помощью они ухитрились сползти до шестого этажа, но двигаться этим способом дальше Катя уже не могла. Вполне возможно, что они так и остались бы в чужой незнакомой квартире и беспомощно следили бы с высоты, как почуявшие кровь зомби по кускам выдирают нас из «Мегана» через разбитые окна. Но на кухне, оформленной в стиле хай-тек, обнаружили хозяева: три кокона прилепились к обеденному столу с никелированной фруктовницей, похожей на спутниковую антенну.

И тогда Минтай решил рискнуть. Сперва он оценил обстановку внизу на улице. Затем выглянул из квартиры на лестницу, убедился, что зомби из подъезда ушли, и сбежал на четыре этажа вниз, оставив Катю сторожить дверь. Вернувшись, он вооружился тяжелой вешалкой. И, велев Кате не отставать, понесся вниз, рассчитывая, что все обращенные заняты сейчас нами.

Он ошибся, но не сильно: один тщедушный зомби все же попался им на пути. Минтай сбил его ударом вешалки, прижал к ступенькам, давая Кате возможность проскользнуть. Выход был совсем уже рядом. Минтай, чувствуя, что зомби вот-вот вывернется, бросил вешалку, перевалился через перила и, догоняя Катю, выскочил из темного подъезда на улицу. Им некогда было размышлять, куда бежать, где прятаться. Да и выбора особого у них не было. Они, не стовариваясь, бросились в сторону, где, как им казалось, отсутствовали зомби – прочь от осажденного «Мегана» и от чудовищ, раздирающих труп несчастного Сереги. Минтай честно признавался, что в тот момент он и не помышлял спасти нас. Он о своей-то шкуре не знал, как позаботиться: залезть в чью-нибудь квартирку на первом этаже? – но там можно наткнуться на зомби; попытаться завести какую-то из припаркованных машин? – но, если сработает сигнализация, их тут же обнаружат; со всех ног мчаться дальше? – а что там ждет за углом, за поворотом, за домом?..

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.